

**БИЛЕТ
В ПЕРВЫЙ
ВАГОН**

ИГОРЬ РЫЖКОВ

Игорь Рыжков

Билет в первый вагон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69334387

SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастическая история о любви в разрушающемся, полном испытаний, неожиданностей, загадок и странностей мире, который когда-то был самым обыкновенным. Любовь со счастливым концом. Наверное. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Игорь Рыжков

Билет в первый вагон

Дождь шел четвертый год подряд или пятый, Элрой уже не помнил. Не помнил ничего кроме промокшего дождевика и сырого зонга над головой, резиновых сапог и бегущих по тротуарам редких прохожих. Хлипкого чавканья под ногами и влажной постели.

– Черт! – Как я не вижу эти простыни – Пробормотал Элрой и нырнул в наполовину залитый водой подъезд.

Его квартира была на четвертом этаже и вода пока не слишком его беспокоила.

Разве, что печурка, которую приходилось растапливать сырыми обломками досок украденной мебели или поломанных заборов не слишком хотела разгораться.

Промокло все. Спички тоже. Ему удалось достать немного керосина, и он был почти счастлив.

Он открыл пузатую бутылку и плеснул немного желтой жидкости на колотую щепу. Чиркнул кресалом по стертой грани древнего напильника, кем-то забытого в квартире и в печурке, вначале слабо, потом все быстрее и более жадно запылал огонь.

Элрой присел на шаткий стул и бросил перед собой четыре папки с бумагами.

– Какая глупость искать сумасшедших в этом городе? Ка-

кая глупость... – Пробормотал полицейский. Ему уже давно казалось, что сошли с ума все кроме него самого. Даже за себя он иногда опасался.

Обходил собак, котов, старался не ходить под карнизамизданий.

Не приближался даже к стоящим и разваленным остовам автомобилей.

– Мало ли, что? – В них часто ночевали бездомные, и сейчас в условиях «каждый сам за себя» они были особенно агрессивны.

Движущиеся по дорогам и переулкам, автомобили стали слишком редкими и давно перестали быть частными.

Рассекая бамперами глубокие лужи, по улицам носились в основном фургоны полиции и медицинских служб.

– Да и те – Буркнул Элрой, придвигая первую папку ближе, и зажигая свечу. Электричество он экономил. Его и без того давали только на пару сумеречных часов перед сном. Хотя, ему казалось, что сумерки были вечными.

– Уже давно перестали принадлежать этим департаментам.

– Департамент у нас один – Снова пробормотал Элрой, с трудом стащил портупею с револьвером и бросил на стол.

– Департамент Спасения. – Он часто задавал себе вопрос – от чего спасал, или пытался спасти этот самый департамент, в котором он работал, и никак не мог найти хотя бы чего-то похожего на ответ.

Вот и теперь он смотрел на папки «Спасителей» на своем столе, которые, по всей видимости, были очередными или идиотами, или теми, кто пытался своим необычным поведением заработать на кусок хлеба и пачку аспирина, чтобы не слечь в обочину с пневмонией.

– Мда. – На первом фото, приколотой ржавой скрепкой к папке было лицо обычного бездомного, с грязной бородой, который читал по углам проповеди на латыни, и тряс алюминиевой кружкой для подаяния.

– Спаситесь. – Элрой задумался. – Какой дурак будет читать проповеди на латыни? Кто понимает – эту латынь? Тем более – сейчас? Сейчас понимают только это. – Он коснулся вороненой стали своего револьвера. – Да, и то не всегда. – Он пристально всмотрелся в глаза бородача.

– Нет. – Этот бы не понял. – Ему уже все равно. – Он открыл папку, и бегло просмотрел личное дело «Спасителя».

Оно не отличалось от десятков других, которых он уже пересмотрел.

– Родился, учился, женился. Поступил, сдал, работал. – Элрой захлопнул папку и потер лоб. Смысл своей работы, он перестал понимать уже несколько месяцев назад.

Единственное, что удерживало от того, чтобы с нее бежать – это то, что бежать было некуда и в «Спасении» он получал хоть какие-то ресурсы для выживания.

Он взял оружие и высыпал желтые цилиндрики на стол. Их было пять. Должно было быть шесть. Один он потра-

тил для того, чтобы отстрелить голову бродячему дикому псу, который бросился на него, как раз из остова продавленного автомобиля, стоявшего на углу кирпичного здания, которое дожди уже вколотили в землю почти по крышу.

– Придется писать объяснительную. – Пробормотал Элрой. Патроны тоже были наперечет.

Он притянул к себе лист бумаги. Да. Серый влажный лист бумаги и стал на нем писать «объяснительную» обычным химическим карандашом.

Пару лет назад – он отправил бы письмо по электронной почте, или оставил бы свою объяснительную на сайте департамента, но Дождь.

Именно так. С большой буквы. Никто уже не писал просто «дождь». Все писали Дождь. Дождь с большой буквы и, если бы кто-то захотел это сделать, то букву «Д» сделал бы первой в алфавите.

Не работало нигде и ничего. Только старая проводная связь и совсем примитивные устройства. Где то и что-то работало у русских, кажется, хотя Элрою было уже давно плевать – где и у кого что работало. Дождь.

Элрой дописал строку о том, что на него бросился огромный пес, с явными признаками болезни бешенства и у него не было выбора, кроме как выстрелить ему в голову. Он замер над словом «выстрелить».

Где то глубоко, на самом дне его подсознательной сути крутилось слово – дважды.

Он выстрелил всего один раз, и голова огромного голодного сенбернара с пеной на кровавых клыках разлетелась на куски.

Он спас свою жизнь, потому, что собака была размером почти с него самого, но. «Дважды».

Элрой пересчитал патроны, лежавшие на столе, и отодвинул один в сторону. Зачем – пока ему было непонятно. Но...

Он решительно дописал в «объяснительную» – «дважды», и спрятал освободившийся патрон глубоко в карман.

Почему то стало легче. Почему – он не понимал, но легче.

Он запихал в барабан тупорылого «смит-энд-вессона» оставшиеся четыре патрона и упокоенно откинулся на спинку стула.

Зазвонил телефон, старый телефон с диском. Кнопочных в углу валялось уже пять штук. Они не работали в сыром воздухе.

Элрой протянул руку и поднял трубку.

– Как я рада, что ты дома! – Раздался женский голос, Элрой, молча, посмотрел на полки буфета.

Оставалось еще четыре банки соевых бобов в томате, и печь нагрела его комнатку до приемлемой температуры.

Тем более – вдвоем спать будет теплее.

– Приходи, Эльза. Да. Я дома. – Он положил трубку на рычаг.

– Она придет через час. – Подсчитал Элрой, и на всякий случай повесил португепю за дверь шкафа.

Он слишком многое за последний год стал делать на «всякий случай».

Он пожал плечами. Это «на всякий случай» уже не раз спасало ему жизнь. Даже предохранитель на своем пистолете он всегда держал снятым «на всякий случай».

Половина секунды на снятие с предохранителя – не слишком много времени, но, если бы он не был снят – тот самый пес, которого он убил, уже обгладывал бы Элрою голень, где ни-будь в укромном уголке за ржавым сараем.

Элрой встал и постучал по циферблату старых механических часов. Они еще могли показывать время. Эльза придет через час.

Да. У него был целый час. Еще целый час. Почему даже в Дождь женщины так долго прихорашивались, ему было непонятно, но у него этот час был.

Он подошел к небольшому шкафчику и достал с полки, завернутую в холстину старую толстую книгу.

Он никогда и никому ее не показывал. Никогда и никому. Даже в Департаменте по Спасению, не смотря на чрезмерное внимание к сотрудникам, не знали о его пристрастии к старым летописям.

Он аккуратно положил книгу на стол и развернул на странице, заложенной обычной ученической линейкой. Взял большую толстую лупу.

В комнате было темно и полустертые буквы аккадского языка, которые во всем мире знали, может быть, всего чело-

век двести разобрать было трудно.

– Он будет прост и наивен – С трудом переводил фразы Элрой.

– Он будет смотреть вам в глаза и улыбаться. Он не будет просить ни хлеба, ни милости, он просто будет смотреть, смотреть как вы живете – Элрой заложил страницу линейкой и закрыл книгу.

– Черт бы их всех! – Ругнулся про себя Элрой – Не смогли написать имя и фамилию. Дату рождения, адрес. Номер страхового полиса, наконец. – Он поежился.

– Хотя, какие сейчас полисы? Карточки социального обеспечения, на которые ты мог получить раз в неделю булку хлеба, и то, если повезет.

Эльза вошла без стука.

– Как я рада тебе! Милый! – Элрой поставил второй стул спиной к печурке. Быстро снял с молодой женщины промокший плащ и усадил спиной к огню.

Забрался под стол и достал половину бутылки закрытой притертой деревянной пробкой. Когда то это был виски. Когда это был виски, и был ли это виски – он уже не помнил.

Просто, если Эльзе не дать пол стакана спиртного, не согреть ее и не накормить – завтра он будет закапывать ее труп в саду.

После того как начался Дождь уже никто не считал ни болезни, которые он принес, ни трупы, которые валялись по окраинам дорог.

Департамент Спасения выделял, какие-то ресурсы на то, чтобы убрать их хотя бы в общие могилы, для того, чтобы не началась эпидемия еще более тяжелых болезней, но, всем, разумеется, мешал Дождь. Он же мешал и тяжелым болезням.

Болели все. Болели Дождем, или как и чем это можно было назвать, не знал ни один врач на планете.

Это было похоже на обычную простуду. Элрой считал, что это похоже на обычную человеческую глупость.

Если не есть, ходить в насквозь промокшей одежде, под пронизывающим ветром, пить из луж и жить в коробке с водой – ты непременно умрешь.

Он поставил два давно не мытых стакана на стол. Вытащил зубами пробку из бутылки и понюхал содержимое. Оно действительно пахло спиртным. Он налил пол стакана себе и Эльзе.

Двинул стакан ближе к ней и один взял в руку. Хотел сделать глоток, но его остановил взгляд его подруги.

Да. Он упирался на верхнюю полку буфета, на котором стояли банки с бобами. Элрой качнул головой. Если она выпьет виски сейчас, то свалится со стула.

Он забрал у Эльзы стакан, достал банку с едой, натужно выдрал жестяную крышку и, воткнув алюминиевую ложку в содержимое, поставил перед ней.

– По одной ложке в минуту. – Пробурчал он. – И сразу не глотай. Жуй не реже десяти раз.

Эльза горячо кивнула и ухватила ложку руками, словно она была лопатой для поиска золотых слитков в карьере.

– Черт! – Ругнулся Элрой и отобрал у нее ложку. Посмотрел девушке в глаза. Спрашивать – сколько она не ела было глупо. Это было понятно и без вопросов. Натянутая кожа лица. Провалившиеся глаза. Черные мешки под ними. Утонченные запястья.

– Вторую неделю – пробормотал Элрой. – Пару уколов глюкозы не помешало бы. – Он взял банку с бобами и поднес к носу. Бобы были в порядке. Но.

Он взял глубокую тарелку с буфета, и вывалил в нее содержимое банки. Выбрал бобы обратно и размешал в тарелке соус.

– Иди сюда. – Девушка безропотно двинулась на стуле ближе, так и не оторвав взгляда от еды. – Как и добралась? – Удивился Элрой. Разглядывая ее бледное лицо со слишком яркими румянами, которые она все-таки нанесла и подкрашенные ресницы.

Покачал головой.

– Не понять мне вас. Не понять. – Он набрал ложку соуса и поднес содержимое к губам подруги, придерживая ее за грудь. Нужно, чтобы она «всосала» содержимое, а не проглотила в один присест. Пустой желудок мог и не принять пищу.

Через несколько процедур Эльза смогла улыбнуться и нормально взять ложку.

Желудок мгновенно усвоил легкий томатный сок, и наполнил кровь питательными веществами.

Элрой двинул к ней бобы и внимательно смотрел за тем, чтобы она не торопилась.

Когда тарелка опустела – он поставил перед ней стакан со спиртным.

Эльза не стала пить сразу. Она пришла в себя взгляд ее став осмысленным, уставился на книгу, которая лежала на столе.

Да. Подруга Элроя не знала аккадского, но знала кого или, что он ищет в древних тысячу раз переписанных записях, которым так много лет.

– Я видела его, Элрой. – Она сделала глоток «виски». Поперхнулась и долго кашляла.

Элрой не реагировал.

– Что могла ему рассказать о «Спасителе» больная девушка?

– У него был старый фотоаппарат. Да. – Эльза откашлялась щеки ее стали уже румяными естественно. Она сделала второй глоток. Взяла оставшийся крохотный кусочек хлеба и до блеска вытерла тарелку.

Посмотрела на оставшиеся банки на буфете.

Элрой покачал головой.

– Нельзя пока, Эльза – умрешь. Завтра, послезавтра. По-немногу – ладно?

Девушка смиренно кивнула, допила спиртное и стала

пальцем вычищать банку.

Элрой отобрал жестянку у Эльзы и выбросил в ящик для мусора. В сырую погоду даже царапина может стать проблемой, не говоря об открытой ране. Эльза легко могла порезать пальцы об острые края банки.

– Где ты его видела? Как он выглядел? – Элрой сделал глоток из своего стакана. Спиртное показалось ему не слишком неприятным, но...

Будет и завтра. Он вылил остатки в бутылку, и, плотно ее, закупорив, спрятал обратно под стол.

Устало потер глаза. Их уже было слишком много. Он даже не помнил сколько.

В их управлении уже давно ходил анекдот о том, что существуют два варианта развития событий: естественный и фантастический. Естественный – «придет Спаситель», фантастический – мы, «как ни-будь», сами.

Кому и когда пришла в голову сумасбродная идея искать Спасителя, Элрой не знал, но более глупой затеи он представить себе просто не мог.

Тем не менее, он его искал тоже. Как и все. Но, как и все – хотел найти его первым.

Он качнул головой. Это давало еще один шанс на выживание, как он считал.

– Кто его знает? – Элрой встал и подбросил в печурку пару щепок. – Может быть, в его автобусе не слишком много пустых кресел, и будет лучше, если он успеет первым вско-

чить на подножку.

Он посмотрел на Эльзу.

– Хорошо бы с ней вместе...– Но, работа требовала действий и он действовал.

– Что в нем еще необычного, Эльза? – повернулся он к девушке. Эльза, опьянев от еды и спиртного, спала за столом, уронив голову на сложенные руки.

Он потряс ее за плечо. Даже для того, чтобы уложить ее в постель – нужно, чтобы она поднялась. Платье Эльзы нужно было просушить. Раздеть он ее сможет только, если она поднимется на ноги. «Простуженному» лучше спать голым под толстым теплым одеялом.

– А? – Эльза с трудом подняла голову от сложенных рук. Элрой приподнял ее слишком легкое тело за подмышки, поставил на ноги и стал стаскивать с нее темное платье.

Светлого давно никто и ничего не носил. Наверное, даже не потому, что настроение в Дождь было не слишком «светлым», а по банальной причине вечной грязи и сырости. На «темном» – грязь была не так заметна.

Элрой снял с Эльзы платье. Повесил на веревочку над печуркой. Усадил на кровать и стал стаскивать сапоги. Они были ей малы и снимались с трудом.

– Что в нем было необычного кроме фотоаппарата? – Элрою удалось стащить сапоги, и он поставил их ближе к печке. За сутки должны были просохнуть.

Эльза упала головой на подушки и ровно задышала. –

Элрой посмотрел на часы.

Отчет. Начальство потребует отчет о проделанной за неделю работе, в противном случае – следующие семь дней он проведет голодным. Он посмотрел на девушку. И Эльза тоже.

Потребуется через десять минут. Он потряс Эльзу за плечо.

– Что в нем необычного еще, Эльза? – почти прокричал он ей в ухо.

– Пальто сухое. – Едва слышно прошептала девушка, натянула одеяло на голову и тонко засопела, провалившись в полубормочный сон.

– Сухое пальто – пробормотал Элрой. Залез под стол. Достал бутылку с «виски», с трудом выдернул пробку и сделал длинный глоток.

– Сухое пальто под Дождем, кто мне поверит?

Элрой, неожиданно для себя, вскочил и стал шарить по карманам плаща Эльзы.

Вытащив небольшой квадратик пластика с ярко желтым кружком в разводах посередине, бросил его на стол.

– Значит. Этот ненормальный успел ее сфотографировать и отдать фото.

Он не обратил внимания и на то, что фокус фотоаппарата совсем не совпадал с тем, что он снимал.

Внутри желтого круга четко проступали геометрические фигуры, которые он где то уже видел.

Он бросился к столу и стал быстро перелистывать страни-

цы летописи одну за другой.

Перелистав их с пару десятков, он уперся взглядом в рисунок на одной из них полностью совпадающей с рисунком на фото из кармана Эльзы.

Он означал – «пустая чаша».

Дословный перевод на английский. Что подразумевали под этими словами те, кто переписывал, или переводил книгу с ассирийского языка на язык аккадский, Элрой не понял.

Он взглянул на часы. До звонка из департамента оставалось четыре минуты.

Докладывать было нечего.

Элрой скрипнул зубами, и выдернул телефонный провод из розетки.

###

– Эй, лейтенант! – Водитель, которого уже никто не называл афроамериканцем, всем было плевать – какого цвета у тебя кожа и сколько у тебя зубов. Хотя – нет. К коже претензии были.

Она должна была быть, по крайней мере, без признаков порезов или царапин.

Все избегали любых контактов. Тем более с кровью или слюной. Где то верещали об этом по телевизорам, которые еще работали каким-то чудом. Где то между джазом и рок-н-роллом по радио втискивались сообщения комитета депар-

тамента Спасения о необходимых медицинских мерах для выживания.

– Чего тебе? – Отозвался лейтенант в длинном кожаном хромовом плаще. Такие плащи выдавали далеко не всем, и снисходительный тон он мог себе позволить.

– Я вас раньше по патрулям двоих возил. Элрой кажется. Теперь он что? Все? – Водитель, поглядывая через решетчатую дверь микроавтобуса, провел большим пальцем по горлу.

– Дождь?

Офицер пожал плечами.

– Скорее всего – обрыв провода на линии. Спит, наверное. Очухается, позвонит с другого номера, или дотопаёт ножками.

– Парень крепкий, а жрать хочется всем. Деться то ему все равно некуда, как и многим, собственно.

Лейтенант достал из кармана черствую булку хлеба. С трудом отломил половину и стал жевать, играя желваками на скулах.

Водитель, сглотнув слюну, отвернулся к своим педалям. Объехать нужно было, как обычно – половину города, собрать всех тех, кто называл себя Спасителями Мессиями и еще черт знает кем, и отвести в «Дом на берегу».

Дом на берегу, на самом деле стоял у самой кромки пляжа. Потому, что вода подобралась к его порогу совсем близко. Поэтому, его так и называли. Обычного почтового адреса

у него не было.

Старый, полузаброшенный сарай, единственным достоинством, которого были крепкие стены и не протекающая кровля.

Раньше там была конюшня.

Теперь туда свозили всех, кто считал, что он в состоянии спасти планету.

Идиотская работа, но за нее платили. Пусть и бобами, но все таки платили. Приходилось работать. Как ни крути.

Что-то писать в докладных, каким-то образом отчитываться.

Отчитывались в основном количеством.

Всех Мессий свозили в «Дом на берегу» на десять дней.

Если ни один из них был не в состоянии внятно объяснить, как он будет делать, то, что обещает – его «выпускали в поле».

Просто оставляли рано утром, когда еще попадались прохожие на одном из оживленных перекрестков.

Милостыню уже никто не подавал. Подавать ее было особенно нечем, но старую тряпку на плечи для того, чтобы не замерзнуть под Дождем, кто – то еще мог подарить.

В департаменте – эту процедуру гордо называли «Милосердием», хотя многие говорили, – что утопить этих бездомных в заливе было бы милосерднее, и для бездомных, и дешевле для самого департамента.

Сейчас этих проходимцев было четверо. Почти одинаково

обросших грязных и худых.

У одного разве, что горели глаза взглядом религиозного фанатика.

– И взял он каждой твари по паре.

Он называл себя Ноем и делал кораблики, если находил бумагу. Дерево и инструменты ему никто не давал.

Его можно было выпустить сразу, но по протоколу ему полагались десять суток приличной жизни в Доме на берегу.

Автобус выбрасывал из под ребристых колес веера брызг. Объезжал брошенные остовы автомобилей. Пробирался к пляжу, и наконец, выехал на узкую все еще покрытую асфальтом дорожку, которая вела прямо к Дому на берегу.

Водитель, выдавив все из старого коптящего движка, проехал глубокую лужу и, проехав еще пол – километра, остановился у крыльца.

– На выхо-о-од. Спасители! – Пропел он нарочито громко, и первым выскочил на землю.

Дверь запиралась снаружи, как и было положено в любом полицейском автобусе. Автобус был гражданским, но ручки изнутри обломали уже давно.

Водитель пошел к дверцам, и с усилием повернул проржавевший механизм.

Дверь открылась.

Первым выскочил лейтенант.

За ним неловко стали выбираться Спасители.

Последним вышел тот, который называл себя Ноем. В ру-

ках у него был бумажный кораблик. Он пристально смотрел в глаза каждому из тех, кто был рядом и скалил полупустой рот.

Да, полупустой потому, что вместе с Дождем пришли и совершенно простые болезни.

Цинга убивала быстро и эффективно.

Вначале опухали десны, покрывались язвами. Потом выпадали зубы. Опухали ноги, пальцы и однажды человек, лишенный обычного витамина «С», о котором до Дождя никто даже не думал, просто не вставал с постели.

К тем, у кого зубы были в порядке, относились с почтительным уважением.

Это были либо работники Департамента, либо люди у которых был доступ к каким-то оставшимся на полуострове лекарствам.

У лейтенанта в кожаном плаще зубы были в порядке, и водитель вжал голову в плечи, когда тот прошел рядом, выстраивая Спасителей в некое подобие шеренги.

Всех нужно было разместить по одиночным камерам. Накормить, дать выспаться, и после этого последовательно пытывать способы и методы спасения человечества.

Всем этим хозяйством заведовал капитан департамента в таком же плаще как у лейтенанта, но он, практически никогда не появлялся Доме на берегу.

Кем он был и чем занимался, особенно никого не интересовало.

Жизнь шла своим чередом.

Все бояться умереть сегодня, но никто не боится умереть завтра. Набить желудок любым из способов. Протянуть до темноты и залечь в более или менее сухом месте – это было все, о чем думали последние годы.

Патрули вылавливали Спасителей. Размещали. Эксперты и военные опрашивали их и, если, находили что – то особенное или интересное – определяли в другую группу.

В этой группу собирали тех, кто внятно мог объяснить свои действия. Им полагалось еще десять дней и более детальное описание способов и методов Спасения.

Если они не справлялись, их, как и всех остальных – просто выбрасывали на улицу.

Выбрасывали милосердно, как и предписывал Департамент.

– Паааашли! – Громко выкрикнул лейтенант и, хлюпая высокими сапогами по лужам, пошел в хвосте небольшой колонны, тех, кого они с водителем собрали сегодня с улиц.

Колонна нестройно пошла к входным дверям.

Лейтенант обернулся – Джон! – Окрикнул он водителя автобуса. Тот вытянулся в струну.

– Найди Элроя. Только у него хватает нервов слушать бредни этих идиотов. – Он посмотрел на темные тучи плачущие Дождем, договорил в пол-голоса.

– Если живой, конечно – Дождь. – Он многозначительно указал пальцем в тучи.

Водитель кивнул головой и, быстро обежав автобус, прыгнул на водительское сидение.

###

Элрой бережно приподнял голову Эльзы и прислушался к ее слабому дыханию.

– Эльза, проснись. Эльза. – Начал он тихонько потряхивать девушку, Слишком длительный сон и неподвижность отнимали силы и, в конце концов, сводили в могилу не хуже цинги.

Элрой давно нашел способ справиться с этой напастью, в дворике дома в котором он жил, каким-то чудом уцелели несколько хвойных деревьев.

Он аккуратно обдирал иголки и делал, если хватало топлива, темный, похожий на деготь отвар. Столовая ложка в день и ты почти в порядке.

Когда не было возможности отваривать хвою – он жевал иголки просто так.

Где и в какой книжке он вычитал о том, что в хвое много витамина «С» он уже не помнил. Это было еще до того как начался Дождь, и ему, в общем, было уже все равно. Главным было то, что он нашел средство жить дольше, и у него была цель.

Да, цель совершенно утопическая, но лучше иметь такую цель, чем вообще никакой цели.

Делай, что хочешь, думай, о чем хочешь, но как только ты перестаешь идти – ты падаешь, и, однажды, уже не сможешь подняться.

Нет. Элрой не понимал, как он спасет планету, или спасет ли ее вообще. Это казалось совершенно невозможным. Где то и что-то сместилось в небесных колесиках, и природа решила все начать заново.

Так он считал.

– Он будет смотреть вам в глаза, и улыбаться – мелькнуло воспоминание из книги, с которой он работал – Какая чушь!

– Эльза! – Крикнул он в полный голос. Девушка с трудом открыла глаза. Элрой приложился губами к ее лбу, проверяя температуру. Жара не было. Значит все еще не так плохо.

– Выпей это. – Он поднес к ее губам небольшую алюминиевую чашку с остатками отвара.

– Это лекарство. Пожалуйста, выпей. Это важно. – Эльза, как исправная ученица выпила содержимое кружки и немного тяжело, но почти самостоятельно села на постели.

Раздался громкий стук в дверь.

– Вам письмо! Уважаемый! Эй, Элрой! Ты дома?

Голод, когда заканчивает пожирать ваши мышцы и жир принимается за мозг. Кем и чем бы ни был тот, кто стоял за дверью ни был – цели у него могли быть совершенно разными.

Элрой поднялся на ноги и, приложив палец к губам, показывая Эльзе, чтобы та молчала, быстро дошел до шкафа и

вытащил пистолет.

Подошел к дверям и несколько раз прокашлялся, держа ствол чуть ниже уровня собственного плеча.

Пуля с легкостью пробьет двери и тот, кто, возможно, имеет неясные цели – перестанет их иметь навсегда.

– А-а-а! – Раздалось за дверью. – Живой – курилка! Это Джон. Тебя требуют на работу. Телефон молчит, вот поедешь с комфортом как советник департамента.

Элрой сдвинул щеколду. Пропустил внутрь своей квартиры водителя и аккуратно прикрыл дверь

Джон покосился на пистолет.

– Зря ты, Элрой. Я не тороплюсь на тот свет, но гостей принято угощать иначе. – Он посмотрел на постель, на которой сидела Эльза, смущенно прикрыв руками обнаженную грудь.

– Это моя девушка, Джон. – Негромко произнес Элрой. – Моя. Если у тебя есть корка хлеба – выйди на улицу и найди свою.

– Ну, нет – так нет – вздохнул водитель – У вас тут я смотрю – любовь. Давно я про такое не слышал, но, что же – собирайся тогда. – Он присел на стул и жадно глянул на бо-бы на буфете. Гулко сглотнул, в департаменте отоваривали карточки соцобеспечения по четвергам. Сегодня был только вторник.

Элрой отобрал кружку у Эльзы и протянул Джону.

– Лекарство. Пей. – Водитель отвел его руку в сторону, и

вдруг стал серьезен.

– Если Всевышнему угодно убить меня – пусть убивает, Элрой. Это ты у нас – знаток и «понимака». Я умею только крутить баранку и нажимать на педали. Такие долго не живут. – Он ощерил редкие зубы и подмигнул Эльзе. Та натянула на голые плечи одеяло и опустила голову.

– Она, правда, с тобой не за еду? – Он поднял удивленный взгляд на Элроя и покачал головой. – Бывает же, ну, да ладно. – Он звонко хлопнул себя по коленям и встал.

– Я жду тебя в автобусе. Пора принимать наших Спасителей. Куча протоколов и работы. – Его шаги дробно застучали по лестнице. Плеснули лужами первого этажа.

Элрой прикрыл за ним дверь.

– Пока не ешь, Эльза. – Он пристально посмотрел ей в глаза. – Оденься. Наведи порядок. Книги и рукописи не трогай. Хорошо? – Девушка кивнула. Ее даже не обидело то, что водитель сравнил ее с девушкой легкого поведения.

Каждый продавал то, что у него было, и делал то, что умел. О морали уже никто не вспоминал, или вспоминал крайне редко.

Элрой накинул португеею, плащ. Поцеловал Эльзу в губы и подошел к двери.

– Сухое пальто – Проговорил он задумчиво. Потом обратился к своей девушке – Во двор не выходи, дверь не открывай. Вернись вечером – договорим.

Он вышел в коридор, и дождался, когда Эльза закроет

дверь на щеколду.

###

Кабинет, в котором Элрой обычно принимал посетителей, не отапливался. Он сидел в своем плаще и грел о настольную лампу без абажура руки.

Сюда электричество подавали исправно.

Он открыл очередную отсыревшую папку и приготовился слушать.

Того, что делал бумажные кораблики он выставил за дверь сразу. Он явно был не в себе и заниматься им должны были другие службы, если бы они были.

Элрой заметил явную болезненность его состояния и отвел ему жизни всего на пару-тройку дней, поэтому тратить на него свое, и без того не дешевое время, не хотел.

– Я слушаю вас, сэр. – Этот был явно здоров и смотрел жестко и прямо. Кудлатая, свалывшаяся борода с проседью, делала его похожим на индийского мудреца. Если бы он завязал свои длинные волосы в пучок на голове – сходство было бы полным.

Он достал из-под своей хламиды небольшие четки, вырезанные в виде человеческих черепов и начал их медленно перебирать.

– Я хочу вам рассказать историю. – Ухмыльнулся Спаситель. – Только вряд ли это вам поможет.

– Имя, фамилия – Жестко спросил Элрой. Выслушивать очередные наставления ему не слишком хотелось, хотя... – Да, я вас слушаю.

– Однажды трех слепых мудрецов попросили рассказать, что такое слон.

– Один ответил – змея – потому, что тот потрогал его хобот.

– Колонна, сказал тот, который потрогал его ногу.

– Веревка – ответил тот, который ухватился за хвост.

– Они спорят до сих пор, но тот, у которого были глаза – промолчал.

– Почему? – Спросил Элрой? На каждого отводилось около получаса, и он уже чувствовал, что с этим «мудрецом» – он «вылетает» из графика.

Спаситель наклонил голову и улыбнулся. – Он будет улыбаться – отщелкнуло в голове.

– Потому, что ему никто бы не поверил, ведь только он был зряч и видел слона целиком.

– Вы принадлежите культуре богини Кали, судя по черепам на ваших четках. – Спросил Элрой.

Такие, как этот «спаситель», попадались не часто.

Толку от них не было никакого, но поболтать с ними, было интересно, если бы, не – Дождь.

Элрой посмотрел на большие настенные часы. Засек еще десять минут на беседу и продолжил.

– Имя, фамилия.

– Зачем это вам? Я вышел на улицу – просто посмотреть как вы живете.

– Я давно не выходил на улицу. – Темнокожий индеец, то ли цыган широко улыбнулся. – Если вы не в курсе – на тех из небоскребов на крышах, которых ваши «толстосумы» посадили тропические сады – они вполне себя сносно чувствуют. Там можно еще жить.

– В тропиках дожди по пол-года – растения привыкли к Дождю. Даже неплохо плодоносят, при определенном уходе, разумеется.

Элрой посмотрел на худое крепкое тело своего собеседника через прорехи одежды. Да – этот недостатка в пище и витаминах не испытывал.

Цыган положил свои четки Элрою на стол.

– Это подарок, инспектор. К тому же, вы неверно сделали перевод с аккадского языка на английский. «Пустая» может означать и «чистая». Слишком много времени прошло с того как Ассирийская империя пала, для того, чтобы знать наверняка, что писец имел в виду.

– Подарок – для того, чтобы вы не забывали – чему учит Кали – за вашу жизнь заплачено миллионами смертей предыдущих поколений. – Спаситель встал и ровно и плавно двигаясь, вышел в двери.

Элрой бросился следом. Вышел в коридор. В нем вялый служащий махал веником.

– Здесь никто не проходил, Танни? – Молодой человек с

мутным взглядом выпрямился и посмотрел на инспектора. Немного приосанился. Ему нужно было чем-то гордиться и оправдывать свое существование на этом свете. Он это делал тем, что чисто подметал коридоры.

– Вы же не видите следов, сэр. Я мету чисто. – Элрой кивнул. Захлопнул двери, и сев за стол поднял глаза. Перед ним сидел старик с бумажным корабликом и намеревался выдрать еще одну страницу из его журнала с записями.

Элрой хорошо помнил, что этого несчастного оставили на дороге неподалеку от Дома на Берегу.

– Меня зовут Гарри. – Пропел Спаситель, и с хрустом выдрал два листа из журнала Элроя. Стал складывать кораблики

– На каждом уместятся двое – Напевал он какую-то детскую песенку – А, если, им захочется в небо – Кораблик станет самолетом. – Спаситель быстро развернул лист и сложил самолетик. Он толкнул его над головой и крылатый кусочек бумаги, плавно сделав круг, опустился на стол Элроя.

Элрой поднял трубку. В гараже все еще шуровал Джон со своим вечным автобусом. Звонок был громким и тот его услышал.

– Да, инспектор. Керосин нынче не дешев. Могу за банку бобов дать не больше литра.

– Сколько человек вы привезли сегодня в Дом на берегу? – Элрой был суров и никакого керосина, даже за бобы ему было не нужно. Джон подобрался и ответил, как мог –

официально.

– Улов невелик, сэр. Всего трое. Остальные или умерли до того как мы проезжали, либо еще не выползли из щелей греметь своими кружками на улицы.

– У меня в протоколе записано – четверо.

– Простите, сэр. – Я не умею читать ваши протоколы. – Элрой положил трубку на рычаг и посмотрел на четки с черепами. Поверх них уже лежало два бумажных самолетика.

Тот, который называл себя Гарри, свалился со стула, и, свернувшись калачиком – спал. Еда на голодных действовал одинаково. Они засыпали.

Элрой торопился, пытаясь хоть, что то «делать заранее» поэтому иногда получалось так, что они засыпали у него в кабинете.

Он снова поднял трубку.

– У него «сухое пальто», зрячему мудрецу «никто не поверит» – снова отщелкнуло в мозгу Элроя.

– Наряд в кабинет. Спасителю плохо. – Фраза дежурная. Он положил трубку на рычаг.

Через три минуты в кабинет вошли двое молодых крепышей и унесли ослабшее тело – досыпать.

Элрой поднял четки из человеческих черепов. Тяжело мотнул головой. Спиртного он вчера выпил слишком мало, чтобы сегодня соображать так плохо.

Беседа больше походила на бред, хотя в том, что она была вообще, Элрой уже не был уверен.

– Нужен выходной. Хотя бы один. – Пробормотал он и достал со шкафа толстую книжку небольшого размера с различными значениями перевода с аккадского языка, полистал. Нашел нужную страницу.

Да, слово – «пустой» – могло означать и чистый, и светлый, одновременно.

###

Элрой решил идти домой пешком. Даже не взял с собой зонт.

Какое это имеет значение, если все равно промокнешь до нитки? Тряпица на ржавых спицах давно не спасала ни от Дождя, ни от дурных мыслей.

Когда ему было плохо, он каждый раз, не доходя до своей кирпичной полуразвлины, сворачивал в темный переулок и поднимался по остаткам железной лестницы под самую крышу.

Там обитал его-то ли друг, то ли советник, то ли...

Элрой даже не знал, кем был ему этот странный старик. Он называл его Апостолом.

То ли в шутку, то ли в серьез.

Он даже не спрашивал как ему, удавалось выживать, но голова и мозги этого Апостола были, хотя и не совсем обычными, но вполне соображающими. Он многое мог объяснить и многое рассказать.

Когда то этот Апостол преподавал философию в университете и знал многое и о многом.

Он выпросил у раздатчика в будущий отчет булку пшеничного хлеба. Собственно, это и было некой платой за беседу или советы. Что и о чем говорить Элрой представлял себе пока еще не очень ясно.

Он дернул шнурок древнего бронзового колокольчика перед дверью и тщательно и бессмысленно вытер ноги

– Да-да! – Раздалось за дверью – Я уже иду! – За тонкими дверями закрипели половицы, и щелкнул механизм замка.

– А! Это вы, Элрой?! – То ли спрашивал, то ли утверждал Апостол.

– Проходите-проходите. – У Апостола всегда ярко горел свет. Сам он носил очки с толстыми стеклами и часто натыкался на углы и мебель, но ему удалось смастерить небольшую турбинку, из телефонного аппарата, которая крутилась от водостока и давала достаточно энергии для освещения. Он особенно гордился этим изобретением и часто им хвастался, но не в этот раз.

– Вы видели его, Элрой – Он остановился прямо в дверях и ухватил инспектора за пуговицу плаща.

– Я думаю, что вы его видели. Жаль. Хотя. – Он почесал кудряшки последние из волос на затылке, потому, что был практически лыс.

– Полагаю – Вам есть, что рассказать.

Они прошли в комнату и сели за небольшой деревянный,

накрытый изрезанной старой клеенкой стол.

Апостол быстро нарезал хлеб. Вкippятил чайник. Извинился за то, что сахара у него нет, и разлил по большим алюминиевым кружкам кипяток.

Обычаи, которые давно привил Дождь, заставили Элроя первым взять хлеб.

Грабежи и убийства, мошенничество и обман для некоторых были единственным способом продлить свое существование.

Элрой взял горбушку и стал задумчиво жевать, откусывая жесткую корку, запивая горячей водой. С чего начать он не знал.

– Вы, наверное, хотите спросить – зачем я живу, Элрой? – Апостол сделал глоток и спокойно откусил хлеба.

– У меня нет ни родных, ни близких. Я не был женат и не успел родить детей. После меня вряд ли, что останется, но почему-то все спрашивают – зачем я живу.

– Спросите и вы, иначе – вы так и не решитесь рассказать мне всего.

– Зачем вы живете? – Машинально спросил Элрой. – Апостол поправил очки. Хлебнул кипятка и вдруг вытащил из кармана плаща Элроя фото с размытым пятном и знаком чаши.

– Я мечтал увидеть конец света, и моя мечта сбывается, инспектор. – Апостол нахмурился, разглядывая фото. Оно, что-то ему напомнило. Он поставил кружку на стол и, не вы-

нимая изо рта хлеб, стал искать, что-то на полках с книгами.

– Раньше бы искали иначе – Мелькнула у Элроя мысль. В два «клика». Мир перевернулся вверх тормашками и книги теперь стали ценнее любых других источников информации, если не единственными, но их осталось отчаянно мало.

Апостол плюхнул на клеенку толстый том энциклопедии о биологии и открыл нужную страницу. Долго протирал ее рукавом, пока фото не стало достаточно контрастным для того, чтобы на нем можно было, что-то различить.

– Я знаю, вы видели его, инспектор, но наш мозг устроен так, что он отбрасывает ненужное. Вытесняет в подсознание – так говорят. Я не знаю правильно ли так говорить, но как вы с вашим мозгом гончего пса сможете объяснить вот это?

На фото была изображена половина обычного листа тополя. Вероятно, сорванного с живого дерева, поскольку было зеленым. Оно было наполовину надорванным, и на фото был изображена только часть.

– Это съемка в ультрафиолете. – Апостол ждал реакции. Элрой вытер вспотевшее лицо ладонью.

– Я не понимаю – Вокруг половины листа был контур целого. Он светился тонкими искорками, словно нарисованный электричеством.

Апостол положил рядом фото, которое принесла Эльза.

– Вы не наблюдаете некоторого сходства, Элрой? А? – Апостол пожал плечами.

– К тому – же. Это изображение помечено знаком чистой

чаши, а первые легенды о Спасителе как раз начали писать летописцы первой из империй.

– Хотя. Людям всегда было трудно и им, почему то всегда казалось, что за них кто-то будет заниматься их спасением.

Элрой молчал. Лист на фото был убит, но какой-то удивительный образ его оставался на фотографии живым.

– Я не понимаю, Апостол – Старик вздохнул.

– Никто не понимает. Можно только предположить.

Элрой отпил из кружки. Поставил ее на стол. Он решил больше не есть, у Апостола было немного способов добыть себе еду, и почти целая булка хлеба нисколько ему не помещает.

Апостол присел к столу. Достал из-за пазухи лупу и почти носом стал возить по фото.

– Часть хранит информацию о целом, или где-то есть информация о целом, а клетка только обозначает – где оно должно быть.

Элрой вздохнул.

– Бред. Апостол. Просто бред. Это началось позавчера. Эльза принесла это фото, и почти умирая от голода, сказала, что видела его и... – Элрой сделал паузу.

– Сказала, что у него сухое пальто.

– Сухое пальто под Дождем? – Элрой кивнул. Апостол пожал плечами. Биологи так и не смогли объяснить это явление. – Апостол кивнул на фото с надорванным листом тополя. – Взялись объяснять эзотерики. Могу попытаться объяс-

нить я.

Апостол снял очки, протер их большим носовым платком, и снова надел на нос.

– Если вам это, разумеется, нужно.

– Хорошо. Попробуйте. – Элрой достал из кармана четки. – Это его подарок. Хотя. Может быть – это и не он. Эльза сказала, что у того был старый фотоаппарат на пластинках.

– А – улыбнулся Апостол. – Даже этим стало интересно.

– Кому – «Этим» – Опешил Элрой.

– У индийских эзотериков в эпосе не существует понятия «конец света» – Апостол улыбнулся грустно.

– Мы же хотим, чтобы все было как всегда. Хлеб в магазинах. Бензин на заправках. Дети в школах. И, вдруг, этого всего не стало.

– Пришли посмотреть. Я тоже хочу посмотреть. – Он закрыл книгу. Едва не упав, наткнувшись на табурет – положил ее обратно на полку.

– Это билет, Элрой. Билет в первый вагон, я полагаю.

– Что за билет? – Элрой чувствовал себя полным идиотом. Он говорил с Апостолом часто, но в этот раз разговор давался особенно тяжело.

Апостол присел к столу. Сгорбился.

– Я не думаю, что у меня будет такой же, хотя бы на откидном сиденьи, или «стоячее» место в тамбуре. Я слишком стар. Нужны молодые и красивые. Как минимум.

– Кстати, ваша подруга красива?

– Да, очень – Машинально ответил Элрой.

– Понимаете, инспектор. – Апостол налил себе уже остывшего кипятку.

– Всем хочется будущего. Не так ли? И всем думается, что оно будет лучше, чем сегодня, хотя мало, что меняется.

– Иногда в гробы даже кладут столовое серебро в надежде, что упокоенный будет трапезовать с господом.

– Святая наивность.

– Вы о загробном мире?

– Да, инспектор. Разумеется да. Но, в общем, совсем не о нем. Подходя к зеркалу, вы видите такой – же мир за стеклом, хотя его вроде бы нет. Но, вы его видите.

– Вы натываетесь на прозрачную дверь в холле, и понимаете, что существует какая-то преграда, хотя вы ее не видите. Вы протягиваете руку, трогаете шишку на лбу, или вытираете под носом кровь и только потом верите в ее существование. – Апостол снова отхлебнул кипятку.

– Вам не зря рассказали притчу о трех слепых мудрецах.

– Простите... – Элрой опешил.

– Я вам о ней еще не рассказывал. – Апостол пожал плечами.

– Пусть так, инспектор. Пусть так. – Элрой встал из-за стола. Почему то засосало под ложечкой. Он впервые чувствовал себя растерянным и недееспособным. Не знал, что делать и куда идти.

– До, встречи. Я найду как ни-будь – Элрой быстро схва-

тил странное фото, которое Апостол назвал «билетом» и побежал по лестницам вниз на улицу.

Выскочил под привычные струи, падающие с неба, и сделал несколько вдохов-выдохов.

Нужно было идти домой и проверить состояние Эльзы.

– Вы забыли, инспектор – Раздалось из-за плеча. Элрой обернулся и увидел Спасителя, с которым разговаривал сегодня в первый раз.

Индиец стоял перед ним, держал в руках четки из человеческих черепов и укоризненно качал головой.

– Нельзя так относиться к подаркам богини Кали, Элрой. Постарайтесь не забывать их больше в гостях и, кстати. – Он протянул Элрою корзинку тропических фруктов.

– Это для вашей подруги. Они гораздо лучше консервированных бобов.

###

Элрой тяжело поднялся по ступеням своего дома и громко постучал. Такой усталости и измотанности он еще никогда не испытывал.

Его жизнь была далеко не простой, но она всегда была ясной.

В его жизни было много потерь и разочарований, но он ее понимал. Теперь он ее понимать перестал.

– Эльза! Открой! Это я! – он громко постучал в двери.

Никто не ответил. Элрой моментально вспомнил банки на буфете и со всей силой налег на дверь плечом. Косяк затрещал, и щеколда вывалилась из креплений.

Эльза лежала на полу и с трудом хватала синюшными губами воздух.

После двухнедельной голодовки желудок и мозг перестали понимать сытость, и Эльза съела все, что было в доме.

Элрой упал перед ней на колени и положил руки ей на живот.

Что бы с тобой ни случилось, в конце концов, оказывается, что это твоя вина. Только понимать это ты начинаешь гораздо позже того как случилась беда. Еду нужно было запретить в комод.

Элрой знал, что делать и делал это уже не раз. В Дом на Берегу часто привозили долго не евших людей, для которых большие дозы пищи были смертельны.

В отсутствие еды переставала работать кишечная перистальтика. Пища просто застревала в животе и вызвала сильные отеки. Если кишечник не справлялся, то она уже начинала разлагаться, отравляя весь организм и с этим справиться уже было практически невозможно.

Так и было. Под ладонями он должен был ощутить движение кусков пищи, которые Эльза съела, но он ничего не чувствовал.

Элрой закрыл глаза и начал медленные круговые движения против часовой стрелки.

Так успокаивают колики у младенцев. Так оживляют почти мертвых.

Через пол-часа губы девушки порозовели.

– Прости – прошептала она с трудом. Элрой промолчал. Ругать ее он будет потом. Да и нужно ли ее ругать? Тело часто не спрашивает разум, что делать, а просто делает что-то само, под воздействием паники или гормонов.

Он продолжал массировать живот.

Дальше ее нужно было заставить встать и ходить. Мышечный реберный корсет должен заставить работать кишечник самостоятельно.

– Молчи, и вставай – Он набросил ее руку себе на плечо и поставил девушку на ноги.

– Иди –

– Прости – Снова прошептала Эльза. Элрой заставил ее сделать один шаг потом второй. Потом водил по комнате кругами так, чтобы она переставляла ноги сама.

Через полтора часа она смогла делать это уже самостоятельно.

Элрой снова приложил пальцы к ее животу и с облегчением вздохнул. Вытер вспотевший лоб и присел на постель.

– Если бы я пришел на пол – часа позже – ты бы умерла. Ты это понимаешь?

Эльза села на стул рядом со столом, уронила лицо в ладони и заплакала.

– Я не хотела. – Элрой качнул головой. Забрался под стол

и вытащил припрятанную бутылку с виски. Налил пол стакана и протянул Эльзе.

– Пей! – Девушка взяла посуду дрожащими от слабости руками и глоток за глотком выпила содержимое. Элрой внимательно смотрел, как действует спиртное.

Вскоре щеки девушки порозовели, и отечная бледность ушла с лица.

Он подошел к вывороченной двери, взял у порога подарок индийца и поставил на стол.

– Это тебе – Он улыбнулся – Десерт.

Эльза улыбнулась ему в ответ, но даже не спросила у него, откуда такое изобилие. Разумеется, ее снова клонило в сон.

Избыток пищи, как и ее отсутствие – большой стресс для организма, особенно когда его запивают почти полным стаканом виски.

– Я прилягу, пожалуй. – Негромко сказала девушка и, не снимая одежды, забралась в постель.

– Да. Нужно, чтобы было тепло. – Он снял с веревки байковое одеяло, которое он повесил для просушки и укрыл Эльзу поверх первого.

Протер глаза.

Нужно было хотя бы как то и что- то разложить по полкам в голове.

С Эльзой они познакомились не слишком давно. Всего пару месяцев назад.

Уже давно не было отсчета, в календарях, газетах, телеви-

зорах и мобильных телефонах, и Элрой постоянно путался в восприятии времени.

– Где то пару месяцев назад. – Срок огромный. Дождь приводил многих не только в уныние, но и в странное состояние непрерывной безудержной истерии.

– Наконец-то все закончилось. – Для них на самом деле все заканчивалось очень быстро, потому, что они, как правило, пытались получить пищу и спиртное не слишком аккуратным образом.

Разумеется – многим не нравилось, что у них отбирали последнее, и удар по голове обычным разводным гаечным ключом, который убивал мгновенно – получить было очень легко.

Элрой подошел к окну и посмотрел в Дождь. Небо было обычным темно-серым дуршлагом, из которого текли вечные струи ледяной воды. Они сбегали кривыми дорожками по стеклу, оставляя изнутри помещения едва заметную испарину от дыхания.

Он вспомнил. Он стал смотреть в окно, когда у него появилась Эльза.

Выживание в одиночку не казалось ему слишком сложной задачей, но пытливый, и осторожный мозг всегда его спрашивал – а завтра?

Именно вот это – «А завтра», и появилось вместе с Эльзой, и в это предполагаемое «завтра», он стал смотреть перед сном, через стекло окна своей небольшой квартирki в

надежде его увидеть.

Увидеть в любой форме, хотя бы, в какой ни будь из понимаемых форм. Больше всего ему бы понравилась светлая нить над изломанной линией города, которую можно назвать горизонтом.

Ни синоптики, ни астрономы не могли объяснить – почему исчезли закаты и восходы. Солнце крутилось вокруг Земли, как и раньше, но Дождь.

– Да. Дождь – пробормотал Элрой. Заката сегодня он опять не увидел, как и пресловутого завтра.

Нужно было чинить щеколду. Инструменты были, где то за комодом.

Элрой посмотрел на постель – не разбудит ли Эльзу, если начнет двигать мебель.

На постели сидел давешний индеец и трогал темной ладонью ее лоб. Белые ногти на смуглой руке выделялись особенно сильно.

– Она здорова, инспектор. – Он поднял на него темное лицо и блеснул белками глаз.

– Вы показались мне тем, кто сможет поверить в то, что происходит на самом деле.

###

Элрой открыл глаза и не увидел света. Вначале ему показалось, что он ослеп, но спальня медленно заполнялась чем-

то похожим на туман. Он глубоко вздохнул.

Такими были рассветы в Дождь, и он не ослеп. Привыкнуть к этому он не успел. Помнилось иное.

Яркие солнечные лучи. Круглые желтые зайчики на стенах. Бьющиеся в стекло насекомые.

Головой Эльза лежала у него на груди и мерно дышала.

Он подул в ее, пахнувшие Дождем волосы, и улыбнулся. Хотя бы так. Хотя бы один повод улыбнуться – мерно дышащая на груди женщина.

Он посмотрел на большой механический будильник, стоящий на столе.

У него был еще час до «подъема».

Привычный распорядок дня успокаивал. Может быть, это и было иллюзией, или каким – то способом уйти от реального восприятия мира, но одинаковые действия, которые он повторял ежедневно, все – таки настраивали на определенный деловой лад.

– Если ничего не делать – ничего и не будет.

– Хотя.

– Да.

Вечерний разговор с индийцем, который, наконец, назвал свое имя – Джафар, не внес особенного порядка в его восприятие.

Он опять говорил притчами и загадками.

Он объел круглый колючий плод так, чтобы тот стал квадратным и, улыбаясь, спросил, что это?

Элрой удивленный вопросом ответил – куб.

Джафар рассмеялся и ответил, что для него – это плод дерева, который он снял с ветки, а круглый он или квадратный не имеет значения.

Единственный вывод, который Элрой сумел сделать после разговора с Джафаром, заключался в том, что Дождь не был тем пресловутым «концом мира» о котором говорили все.

Это было тем, что биологи могли бы назвать – ускоренным естественным отбором.

Но, этот пресловутый отбор был для Элроя совершенно противоестественным.

Колесики, из которых состояла его вселенная, не только крутились в разные стороны, как он себе их представлял, но перестали цепляться друг за друга.

Спасителей, будет больше одного, но как они будут выглядеть – Элрой не понял, так, что работу департамента Спасения нельзя было назвать совершенно бессмысленной только...

Эльза заворочалась у него на груди, проснулась и открыла глаза.

– У него была еще круглая шляпа с обвисшими полями. Странная круглая желтая шляпа и он был без бороды. Какая странность, правда? Сейчас бреются только те, кто работает в департаменте, да и то не все.

Она рефлекторно потерлась о щеку Элроя. Потерлась лбом, потом поцеловала Элроя в шею.

– Как ты.

– У тебя всегда по утрам щетина. – Элрой потер щеку ладонью. Да – он брился по утрам. У него осталась дедова опасная бритва, которую он правил о кожаный форменный ремень.

Нужно начинать бриться вечером. Говорят, что это явный признак семейного счастья.

– Ковчegov будет много, и они будут разными, насколько разными они будут, и какими они будут вообще – было совершенно неясно, и как туда попасть тоже.

– Пора вставать, солнце. – Эльза положила подбородок на кулачки и посмотрела, улыбаясь Элрою в лицо. Элрой машинально взглянул на ее десны. Все было в порядке, красных мелких пятнышек, предвещающих цингу, он не увидел.

– Мне нравится, когда ты так меня называешь, Элрой. Представляешь? Я еще помню цветы, похожие на солнце. Ромашки. Они росли в саду у мамы. – Она помолчала.

– Теперь твое солнце – я. Хорошо? – Элрой кивнул. Он продолжал думать о том, что произошло за последние сутки, и складывал свою картину мира как кирпич к кирпичу.

Однако, его картина мира не «пролезала» ни в один формуляр департамента. Никак. Нужно было писать отчеты, и писать о том, что Элрой начал понимать о происходящем ему совершенно не хотелось.

– Пора вставать. – Снова повторил он, поцеловал Эльзу в макушку и выбрался из постели.

В квартире было отчаянно холодно. Но, Элрой привык к тому, что печурку следует топить к вечеру. Утренняя свежесть была, вполне кстати.

Так он «просыпался» значительно быстрее. Он сделал несколько «боксерских» ударов.

Условно «пробежал» метров десять, и с удовольствием почувствовал, как кровь стала притекать к пальцам рук и ног.

– Вставай – Сказал он Эльзе, и набрал в небольшой тазик воду из раковины. Достал бритву, нацепил свой ремень на короткий ржавый гвоздь и принялся править лезвие.

– Поедешь со мной. – Он намазывает жестким помазком половину щеки, повернулся к девушке и сделал страшные «глаза».

– Будешь специальным агентом – Он отвернулся и продолжил бриться.

– Я попробую тебя поставить на довольствие. – Эльза откинула одеяла. Глубоко вздохнула. Осторожно ступая по холодным доскам, подошла к Элрою со спины и положила подбородок ему на плечо.

– Так тебе будет светлее. – Улыбнулась она и потрепала себя по короткой причёске. Длинные волосы в виду их совершенной непрактичности старались не носить.

Длинные волосы были у тех, кто уже не мог справиться с обстоятельствами. Кому то было все равно, как он выглядит.

Когда наступал этот момент – человек превращался в по-

луживотное всего за несколько недель.

Элрой задумался. Смыл остатки пены с лица, вытерся жестким полотенцем, которое когда то было совершенно белым, и подставил щеку Эльзе для проверки качества бритья.

Эльза потерлась о его щеку губами и поцеловала.

– Годится, инспектор, но сегодня ты бреешься вечером. Хорошо? – Элрой улыбнулся. Всего несколько минут ранее он думал об этом же.

Эльза быстро оделась. Посмотрела на все еще полную корзину фруктов на столе и выбрала, что-то похожее на манго.

– Ожила – Мелькнуло в мозгу Элроя. Он сел напротив и взял, что-то большое и колючее. Название этого – то ли овоща, то ли фрукта он не знал. Убрал корзину под стол. Еду при любых обстоятельствах нужно было экономить.

– Зачем тебе агент? – Спросила Эльза, и, брызнув соком, надкусила выбранный фрукт. Элрой глубоко вздохнул.

В голове тяжело ворочались мысли. Если он начнет объяснять так же как ему пытался, что-то втолковать Джафар, Эльза вряд ли поймет. Он вдруг улыбнулся.

Ему вспомнилась веселая история из университетской жизни.

– Есть разные методы познания действительности, милая. Однажды на лабораторной работе по электричеству, вместо того, чтобы разбираться, как оно устроено в формулах, написанных на доске, я потрогал два оголенных провода, которые торчали из розетки.

Элрой откусил большой кусок. Его выбор напоминал сладкий картофель. Скорее всего – это было чем-то похожим на батат.

Совершенно забытые воспоминания.

– Это чувственный метод познания реальности. Я «потрогал» электричество. – Эльза улыбнулась.

– Ты берешь меня на работу градусником? – Элрой нахмурился.

– Я не шучу, Эльза. Кроме фотоаппарата, шляпы и пальто, ты должна помнить его ощущение. Как ты его почувствовала? Почему ты решила, что это именно Спаситель? – Эльза пожала плечами.

– Он был абсолютно безопасен. Есть такие люди. Чувствуешь, что от него не может исходить никакой угрозы, и он выбирал. – Эльза доела плод и вытерла руки о салфетку. Сок был сладким. Она поморщилась.

Элрой удовлетворенно вздохнул. Первый признак здоровой женщины – быть чистой.

Эльза встала и вымыла руки у раковины, вытерла салфеткой снова. Мельком глянула в облущенное маленькое зеркальце, перед которым брился Элрой. Подбила неаккуратность своей прически на затылке и снова села за стол.

– Он пах чем-то чистым. Она подняла руки и растопырила пальцы. Прости, я не могу объяснить. – Элрой поднялся из-за стола. Тоже сполоснул руки, протер салфеткой. Достал из-за шкафа портупею с оружием и набросил ремни на плечи.

Подошел к Эльзе и поцеловал в губы.

– Градусник никому ничего не объясняет. Он просто показывает температуру. – Эльза надавила каблуком на босые пальцы Элроя.

– Я солнце, милый, а не градусник.

– Хорошо – Улыбнулся Элрой. Он выдернул босую ступню из-под каблука обуви Эльзы, и надел, в этот раз, форменные юфтевые сапоги.

– Сегодня поедем с комфортом. – Он воткнул телефонную розетку в гнездо и набрал номер гаража департамента.

Вызвав автобус, одевшись в привычный плащ, и, дождав-шись, когда соберется Эльза, он подошел к двери и с удивлением обнаружил, что она цела.

Он склонил голову, напрягая память.

– Каждый возьмет свое, и большое будет становиться все меньше. – Элрой вспомнил улыбку Джафара. Снисходительную улыбку.

– У вас есть легенда о Минотавре и мальчике, который не заблудился в лабиринте, построенном для Минотавра Дедалом только потому, что одна из приговоренных девушек дала ему клубок с нитью.

– А ты все время забываешь четки Кали, Элрой. – Элрой медленно подошел к столу, на котором лежали четки из черепов. Взял и туго намотал на руку.

Чем бы ни были эти четки, вероятно, они скоро будут жизненно необходимы.

Под окном раздался звонкий сигнал гудка автобуса.

Водитель поленился подниматься за своим начальником, зная наверняка, что никакого поощрения за это не получит.

– За нами приехали – пойдём – Элрой взял Эльзу под руку, они вышли на темную лестничную клетку, и инспектор тщательно запер двери на ключ.

Они сели на передние сидения спиной к водителю. Рядом с небольшим зарешеченным окном. До Дома на Берегу езды было около получаса, и водитель, когда возил кого-то из инспекторов, как правило, не мог удержать в себе последние новости.

К тому же на новости было принято платить, и Элрой прихватил один из плодов-подарков Джафара похожий на яблоко.

Через десять минут езды по лужам и ухабам Джон не выдержал.

– Ты все пропустил, Элрой. Такое не пропускают. Я понимаю – у тебя такая красotka в постели – с ней можно все на свете пропустить. Но... – Он обернулся и посмотрел в салон, ожидая «оплаты».

Элрой уже держал перед водительским окошечком «яблоко» и невинно улыбался.

Джон быстро ухватил подарок грязной рукой и начал с хрустом жевать.

– Вот где ты такую еду берешь, инспектор? Я уже и не помню, что бы такое вкусное ел.

– Ну, да ладно.

– Капитан же сегодня ночью был. Всех собрал! Орал как Спаситель! Облаву объявил. Я же ночь не спал совсем. – Он повернулся к окошку снова, рассчитывая на повторную оплату, но Элрой больше ничего не предлагал. Но поскольку за новости было «заплачено» пришлось продолжать.

– Вот я и говорю. Только тебя не было. Телефон у тебя не работал, а ехать за тобой далеко. Пятерых инспекторов подняли и ночью с фонарями.

– Я думал – на улицах никого не увидим, а ведь нашли. Тебе теперь на неделю работы. Пять человек – представляешь? – Джон притормозил и с трудом, погружаясь почти по ступицы колес, проехал глубокую лужу.

– Думал нищие да голодные, а получается все во вторую группу. Мне-то конечно дела никакого нет, но вот, керосину в полтора раза за выезд добавили.

Джон снова повернулся к окошечку.

– Цены снижаю, Элрой. За булку хлеба полтора литра дам, но, недолго такие цены буду держать. Запас то не велик. Быстро разберут.

– Тебе первому говорю. Я вижу, ты, где то подработку нашел, гляди, чем платят. Так и сто лет прожить можно.

Эльза толкнула Элроя локтем в бок, показывая, на заливаемое струями Дождя окно.

– Что? – Отозвался Элрой.

– Не видишь? – Округлила глаза Эльза. Элрой до боли

сжал четки Кали, когда то это должно было начаться.

– Он промолчал потому, что был зряч... – Отщелкнуло в голове.

– Что ты видишь, Эльза? – Элрой закрыл глаза, потому, что уже понял – они его обманут.

– Вода замерзает! Там снег! – Элрой открыл глаза.

Вода по-прежнему текла по стеклу окна автобуса департамента Спасения.

Ржавая колымага прыгала по ухабам. Джон с трудом лавировал между развалинами домов и остовами брошенных автомобилей.

Пробирался привычной дорогой к Дому на Берегу.

Джон размотал четки с руки, взял Эльзу за пальцы и связал их руки.

– А теперь? – Эльза с удивлением посмотрела Элройю в лицо.

– Дождь...

– Хорошо – Выдохнул Элрой. – Руку мою не выпускай. Это важно. Пожалуйста – С нажимом договорил он.

Эльза тревожно сломала брови.

– Это, наверное, от того, что я так много съела. Мне показалось. Прости.

– Нет, не поэтому. – Элрой тяжело вздохнул. – Я объясню. Потом. Позже, если смогу.

Автобус резко затормозил. Дальше нужно было идти пешком. До входных дверей было всего пара десятков метров

грязного песку.

Джон выпрыгнул из водительской кабины, обежал автобус и с поклоном открыл замок.

– Мадам – улыбался он полупустым ртом – Месье. Прибыли.

Элрой спустился по лесенке автобуса, держа Эльзу за руку, словно слепую. Она крутила головой, оказавшись здесь впервые.

– А, что они делают? – Она показала свободной рукой на широкий, постоянно омываемый прибоем пляж.

Побирушки и нищие из «первой» группы, деловито таскали округлые валуны, складывая их в какую-то фигуру.

– Совсем с ума посходили – В пол-голоса пробормотал Джон – Всю ночь пыхтят. Шли бы туда – где народу больше – может пожрать дадут.

– А что там написано? – Наивно спросила Эльза.

– Мне все равно – Привычно грубо отозвался Джон – Мне керосин надо продать, да левое колесо заменить, а то завтра не выехать.

– Они выкладывают треугольник – Негромко проговорил Элрой.

– А, что это? – Эльза успокоилась, но руки Элроя не выпускала.

– Место куда сможет пристать корабль. – Договорил Элрой.

Он сказал это, потому, что первый уже видел. Сколько их

будет, он мог предположить по «ночному улову» облавы.

Силуэт одного уже просвечивал «призраком» сквозь струи Дождя и медленно разворачивался к пляжу. Длинные весла опускались раз за разом, словно лапки сказочного насекомого, перемещая его ближе к берегу.

– Пойдем – потянул Элрой Эльзу за руку – похоже – у нас с тобой куча работы.

В кабинете Элрой посадил Эльзу рядом. Они сидели вдвоем за старым столом, заваленным отсыревшими папками. Элрой так все не успевал навести порядок. Руку Эльзы, привязанную четками он положил себе на колено. Правая рука была свободна, и он мог работать.

Сейчас его работа заключалась в том, чтобы держать телефонную трубку и выслушивать все «прелести» его подчиненности.

Отсутствие в «Ночной охоте», как называл это мероприятие начальник Дома на Берегу, капитан департамента Спасения каралось его пьяными угрозами лишить Элроя всего и вся.

Не только довольствия, но и одежды и головы и волос на голове и пошлого и настоящего и будущего и чего-то еще.

Дальше Элрой уже не понимал. Он отвел трубку от уха «разрешил» капитану разбираться самому со своими угрозами.

Такое иногда случалось, и Элрой прекрасно помнил, что наутро все осталось бы таким, каким оно и было.

Дождь не перестал, лить с небес, а департамент продолжил бы свое Спасение, таким, каким он, его себе представлял.

Но... Элрой смотрел в окно и видел, приставший к пляжу Ковчег.

Наконец, он не выдержал визгливых воплей капитана и положил трубку на рычаг. Вытер ладонью лицо.

Открыл первую папку с чистыми линованными листами и снова поднял трубку.

– Позовите первого из второй группы – Попросил он девушку на коммутаторе.

Уговаривать сейчас начальство о том, чтобы Эльзу приняли на работу – было бессмысленно.

– Завтра – бормотал Элрой. – Все завтра. Если – это чертово «завтра» когда ни-будь наступит.

– Если наступит – снова отщелкнуло в голове.

В кабинет вошел высокий старик с окладистой длинной бородой, в квадратной шапке, с деревянным крестом на груди.

Спину держал прямо, сверлил голубыми глазами из-под косматых бровей.

– Они все должны быть здоровы – Почему то подумалось Элрою.

– Покажите зубы, пожалуйста – Сразу спросил он старика.

Старик, не произнеся ни слова, встал, подошел к окну и стер ладонью всю серость со стекла. В комнату ударил сол-

нечный свет.

– Ладно, ли? – Белозубо улыбнувшись, спросил он. Не дождавшись ответа, запустил широкую ладонь внутрь своей одежды, и достал в кулаке жаворонка.

Раскрыл ладонь. Птица радостно вспорхнула в запылившихся солнечных лучиках, и уселась на вешалку для одежды.

Запищала тонко и весело.

– Ладно. – Договорил старик. – Вот тебе и завтра. Того ли ждешь?

– Это он – Прошептала Эльза. – Он него жарко как от печки.

– Имя, фамилия – Приготовился Элрой заполнять журнал. Старик молчал.

– Имя! Фамилия! – Повысил тон Элрой. Старик оторвался от того что слушал певчую птицу и подошел к столу.

– Ладони покажите свои, дети.

Элрой и Эльза оторопев, развернули ладони, показывая старику.

Тот покачал головой.

– Весла тяжелые, а у вас мозолей нет. Путь тяжкий, ветра льды да снега, пока до земли обетованной доберемся – сгинете не умеючи. – Еще раз покачал седой бородой.

– Не могу грех на душу взять, не могу. – Он раскинул в стороны руки, из одежды попозили черные перья.

Огромным вороном старик пролетел сквозь стекло и про-

пал.

Серый привычный свет Дождя заполнил кабинет. Элрой включил настольную лампу. Вытер вспотевшее лицо.

– Ты видела то же, что и я?

– Да... Птица и старик. А мозоли – это, что?

– Огрубевшая кожа на ладонях. От тяжелой работы – проговорил Элрой.

– А как их получить? – Наивно спросила Эльза.

– Работать – Негромко проговорил Элрой. Он смотрел, как Ковчег медленно отчаливает от берега залива, выходя на открытую воду.

На пляже метались серые тени, выкрикивая, то ли ругательства, то ли мольбы о помощи, то ли проклятья.

Ковчег поднял белую волну одновременным ударом сотен весел, и быстро исчез в тумане.

В окно привычно барабанил Дождь.

– Минус один. – Пробормотал Элрой.

– А, что такое «Земля обетованная», Элрой? – Эльза смотрела на него серьезными глазами, и виновато ковыряла листик бумаги на столе.

Элроя в департаменте часто называли – «экспертом по чудесам». Возможно, так оно и было, в какой-то степени. Он на самом деле пытался разобраться или свести к какому-то единому знаменателю, то, что остальные давно бросили это делать.

Либо, это оказывалось никому не интересным, ненужным,

либо не вписывалось ни в какие циркуляры и инструкции.

Элрой думал, что в этот раз у него, что-то должно было получиться, но получалось не слишком.

– Земля обещанная, Эльза. – Он посмотрел на четки Кали, связывающие их руки, и жестко потер лоб. Болела голова. Да и трудно было вообще свести хот бы не к общему, а к полу-общему, что ли знаменателю, то, что он увидел сейчас и то, что он должен, полагал, еще увидит.

Про четки он уже начал понимать. Многорукая богиня Кали была единением многих культов и форм представления реальности. Она была одновременно и жизнью и смертью и могла держать в своих многочисленных руках многие виды оружия, обороняя, то чем являлась.

Больше о культе Кали Элрой не мог вспомнить ничего.

– Мост. – Всплыло в голове определяющее и объединяющее слово – Связь.

– Да. – Элрой выключил лампу на столе, потому, что за окном снова стало происходить, что-то непонятное. В комнате стало светлее.

– Если мы отпустим друг – друга – больше не найдем. – Подумал он.

Джафар оказал неплохую услугу, хотя, Элрой не совсем понимал почему.

Давно за все было принято платить, но индеец ничего от него не хотел.

– Может быть, попросит позже? Как знать?

– А я всего лишь – градусник. – Расстроилась Эльза.

– Очень важный градусник – Отозвался Элрой. Он повернулся к своей девушке.

– Ты же поняла, что это Ной. Почувствовала. Я – нет.

– Да. От него как от печки, жарко, чисто. И... – Девушка замолчала, пытаясь сформулировать свои ощущения.

– Да, и он знал, что будет делать завтра.

– Элрой нахмурился. Он сегодня понял, что это его «Завтра» и есть Эльза. Его «Земля обетованная». Он тяжело вздохнул.

Он боялся посмотреть в окно. Но, набравшись духу – поднял взгляд. За стеклом падал пушистый снег.

Он закрыл глаза. Дождь бы понятнее и привычнее. Открыл снова.

Крупные снежинки по-прежнему крутились за окном.

С тяжкими ударами колотились в стекло.

Они были гораздо крупнее обычных снежинок, о которых он еще помнил, и напоминали семена, какого – то огромного дерева.

Он поднял телефон и услышал в трубке обычный протяжный гудок.

– Уф-ф-ф. – Выдохнул он – Этот гудок связывал его с чем-то привычно-реальным.

– Может быть вам лучше пойти домой? – Озаботилась девушка на коммутаторе – Инспектор, вы так тяжело дышите.

– Нет – Элрой прокашлялся. – Со мной все в порядке –

Связистки сидели в подвальном помещении. Они не могли видеть изменения погоды, и, уж тем более – делать выводы подобные таким, которые делал из этих явлений Элрой. Он неожиданно для себя положил трубку обратно на рычаг. Ему захотелось выйти во двор и кое, что для себя выяснить.

– Он, скорее всего – русский, если спросил про мозоли, Эльза. – Вдруг договорил Элрой.

– Почему ты решил, что Ной должен быть русским?

– Их будет много, этих Ноев, я полагаю. А... – Он повернулся к Эльзе. – Я же специалист по языкам. У него на груди был деревянный Крест. Русские с Крестом связывают свою судьбу. В языке для многих из них – это одно и то же.

– «Нести свой Крест» – это для многих из них значит – прожить свою жизнь с честью и заботой о других.

– Тяжелый труд тоже имеет происхождение Креста.

– Никто не будет из русских чураться мозолей. Некоторые ими гордятся. Это мы считаем, что мозоли – это признак не организованности и низкого интеллекта.

– Часто бывает совсем наоборот.

– Мне понравилась его птица. – Элрой промолчал.

Он медленно сматывал с руки четки и осторожно смотрел по сторонам. Ничего особенного пока не происходило.

Он смотал четки полностью и положил левую руку на расстоянии полуметра от руки Эльзы. Мир еще как то держался. На чем-то держался.

– Не уходи никуда. Мне нужно кое, что проверить.

– Хорошо? – Эльза кивнула головой и сложила руки словно школьница, бодро улыбнувшись Элрою.

Он накинул портупею с револьвером, плащ, надел шляпу и, оставив нараспашку дверь, вышел в коридор.

– Вы, наверное, опять будете спрашивать – выходил ли кто – либо из вашего кабинета, инспектор.

Мальчик, подметавший в Доме на Берегу полы, приосанившись, смотрел прямо Элрою в глаза.

– Вы где ни-будь видите следы? Была только пыль и грязь, но я собрал ее в совок и вынес на улицу.

– Вот кому на самом деле, все равно – каким будет его мир? – Подумалось Элрою. – Полы и мусор на нем вечны, каки вечен его веник и совок.

Он выбежал на улицу и посмотрел на залив.

Прибой привычно гонял мелкую гальку, но на серые мелкие волны падал снег. Он закрывал обзор и из окна Элрой не увидел главного.

Высоко в небе парили огромные сплюснутые шары. Под каждым из них на длинных канатах была подвешена огромная ладья. Шары двигались друг за другом, словно утята за мамашей и явно направлялись к выложенному из камней треугольнику.

– Земля обетованная, небеса обетованные. – Пробормотал Элрой. Какая-то логика в это была, какая – он пока не понял какая. Элрой склонил голову на бок.

– Две стихии, должна быть какая-то еще – третья – чет-

вертая – пятая.

– Наверное.

Он, не отрываясь, смотрел на цепочку воздушных кораблей, до тех пор, пока с их бортов не стали срываться вниз, и, падая расправлять крылья странные создания.

Они, ухватились за свисавшие с носов подвешенных кораблей канаты, начали тянуть вниз.

Элрой скосил взгляд.

Да. Они сажали свой Ковчег туда, где только, что стоял первый.

Прямо к треугольнику из камней, который сложили те, кто был в первой группе «жителей» Дома на Берегу.

Сейчас они стояли плотной группой рядом с камнями и, задрвав головы, смотрели вверх. Кто-то призывно махал рукой. Кто то, что-то кричал.

– Инспектор! – Услышал Элрой из-за спины громкий окрик водителя. Он повернулся.

– В этот проклятый Дождь, твоей девочке идти пешком не пристало – Он прокашлялся в кулак. – Я могу отвезти вас обоих. – Он ухмыльнулся. – Тем более, вы не хотите расстаться даже на час. Я так удивился, увидев тебя одного.

– Проклятый Дождь? – Элрой посмотрел на мокрый плащ Джона. На поднятый воротник, на стекающие по его лицу капли.

Для него мир не изменился. Элрой сжал зубы и глубоко вздохнул.

Да, разумеется, Джон рассчитывал на очередную подачку, и, конечно же, он ее получит. На самом деле – лучше ехать на автобусе.

– Заводись. – Кивнул Элрой. – Поедем минут через сорок. Мне нездоровиться.

Водитель обрадовался. Вероятно, сегодня его услугами, ни как перевозчика, ни его избытком керосина никто не интересовался.

Водитель развернулся, и «чавкая» по грязи растоптанными сапогами пошел вперевалку к настезь открытым воротам гаража.

– Дождь, инспектор. – Пробурчал водитель под нос. – Ты посмотри на этих ненормальных. – Он махнул рукой в сторону людей собравшихся на берегу. – Я только и жду того часа, как мы все разом сойдем с ума. – Он качнул головой – вот будет потеха.

Элрой стоял, расставив ноги на ширине плеч и опустив голову. Ему вдруг пришла мысль, что остатки миров должны быть как то связаны с массой тел в них присутствующих. Он вспомнил громаду автобуса Департамента.

Элрой быстро зашагал в свой кабинет, подсчитывая, сколько он весил сам. Получалось вполне прилично.

Кроме того он посчитал, что каким то образом в этом бардаке должна участвовать и энергия осколков.

Так он окрестил то на что начал расплзаться реальный мир. Хотя, что и для кого было сейчас реальным, сказать бы-

ло невозможно.

– На какое-то время понадобится весь керосин. – Вдруг проговорил он, остановившись перед открытой дверью в свой кабинет – Наверное.

Он сделал шаг, и ударился носом в какое-то препятствие, похожее то ли на лед, то ли на стекло.

Элрой прекрасно видел сквозь внезапное препятствие Эльзу. Она, вероятно, утомившись, дремала, положив голову на сложенные руки.

– Вы натываетесь на стекло в холле, и только утирая кровь под носом, понимаете, что оно реально – Вспомнил он обороченную случайно фразу Апостола.

Элрой вдруг разозлившись, выхватил из кобуры револьвер, и сделал четыре отчаянных выстрела.

Препятствие, которое его остановило – не рассыпалось на осколки, как он предполагал, а стеклО вязкими струями, и расплзлось под сапогами прозрачной лужицей.

Элрой сделал, шаг вперед, встав одной ногой внутри кабинета другой снаружи.

Что-то из университетской физики начало всплывать со дна памяти.

«Площадь приложения массы и скорости должна быть минимальной. В этом случае – давление будет максимальным».

Молотя кулаками в «стекло», он, его бы не поломал – Это верно.

Граница между мирами была слишком прочной, помогла

только пуля.

Если бы он стрелял изнутри кабинета. Из мира с меньшей массой, то он, может быть, и не смог бы преодолеть это препятствие вовсе.

– Материально все – вдруг, пришло какое-то странное озарение – Только у каждого по-своему.

Он вошел в кабинет, оставив дверь открытой. Быстро взял четки Джафара и связал свою левую руку с правой рукой Эльзы. Расставаться им было на самом деле нельзя, или крайне опасно.

Поднял трубку.

Услышав привычный гудок и веселый голос – Что угодно, инспектор? Проговорил, как полагалось по службе – Давайте остальных

– Хорошо – Квакнул телефон привычным женским голосом. Элрой положил трубку на рычаг. Посмотрел на бумаги на столе и бросил поверх карандаш.

Уже давно творилось такое, что записывать все это было совершенно бессмысленным и тем более – кому то докладывать.

В комнату вошел высокий молодой человек с деревянной улыбкой, ослепительными зубами и в серебристом одеянии, напоминающем облегающий космический скафандр.

Он сразу подошел к окну и на его глаза со лба опустились стекла, похожие на военные фильтры.

– Он смотрит, как его Ковчег причаливает – Толкнула

Эльза Элроя локтем.

– Это он? – Полушепотом спросил он подругу.

– Кто «Он»? – Элрой потер лоб. С Эльзой нужно было как-то срабатываться. Или все ей объяснить, или, как им-то образом заставить работать. При условии, конечно, если бы Элрой все понимал сам. Но...

– Вам тоже показывать ладони? – Хмуро он начал диалог.

– Зачем? – Спросил его «Капитан», как, пока его окрестил Элрой.

– У ваших матросов тяжелая работа.

– У них на ладонях должна быть грубая кожа. Мозоли.

– Это машины, инспектор. У них не бывает грубых ладоней и ваших, как их – мозолей.

– Он сам машина. – Буркнула Эльза. Холодный как Залив. Не любит, не страдает, ничего не хочет. И. – Эльза растопырила пальцы на руке словно радар, и лицо ее вдруг стало удивленным. – У него всего один день. У него не бывает «Завтра».

– А в твоём «Завтра» что? – Неожиданно спросил он Эльзу. Возникло впечатление, что они «Капитану» совершенно не интересны.

– А ты ругаться не будешь? – Прошептала Эльза?

– Нет. – Эльза покраснела. Смущенно потерла щеку свободной ладонью.

– Я хочу белое красивое платье. Зеркало. И нас в нем увидеть. – Она посмотрела Элрою в глаза. – И, чтобы ты держал

меня за руку – Это будет память. О нас обоих память.

– Вот с руками как раз проблем нет. – Пробурчал Элрой, его и пальцы Эльзы, перетянутые четками начинали белеть и ощутимо побаливать, но распускать, или ослаблять витую шелковую нить с черепами Элрой не решался.

– Мы причалили! – Радостно сообщил «Капитан».

– И, что дальше? – Проговорил Элрой. «Небеса» обетованные, похоже, его устраивали меньше всего. Он чувствовал настроение Эльзы, и теперь воспринимал «Капитана», возможно, таким же каким воспринимала его она.

Неким подобием усовершенствованной швейной машинки.

– Да! – Вдруг громко произнес «Капитан»

– Вы правы! – Он внимательно наблюдал за выражением их лиц и уловил нотку брезгливости и отторжения. Он не говорил, а декларировал. Коротко восклицал фразы, словно это не было разговором, а всего лишь рекламной акцией.

– Мы убрали лишние эмоции! Да! Они совершенно не нужны! – Он заложил руки за спину и повернулся к ним лицом. Фильтрующие очки сползли на лоб, создавая, абсолютное сходство с прозвищем.

Элрой машинально втянул живот. Фигура «Капитана» была абсолютно совершенной. Живой он или не очень – вопрос другой. Он скосил глаза на Эльзу.

Эльзе было все равно. Элрою показалось, что она прислушивается к тому, что происходит где-то совсем-совсем да-

леко. Возможно – даже далеко с лишком.

– Зачем страдать? Когда так все просто? Заработайте еще один социальный балл, и получите капсулу серотонина!

– Разве это не счастье? – Элрой устало потер лоб. Такого представления он еще не видел, но оно ему уже успело надоесть. Подобных моделей «счастья» он «перелопатил» уже за сотню.

Да, это было просто. Но, только, это «просто» он находил в совершенно других местах – лечебницах для наркоманов. Своих «пациентов» он иногда пытался отыскать и в этих всеми не всеми любимых местах.

Даже слова были почти одинаковыми.

Он тяжело вздохнул. Посмотрел в окно. Там шел Дождь. Его привычный Дождь.

– Вы нам не интересны, Капитан

– Хорошо! – Ответил его «пластмассовый» собеседник.

– Я бы посоветовал вам убрать с пляжа знак причала, для того, что бы мы не нашли вас во второй раз!

– Мы не делаем ошибок! – Он развернулся, и вышел в так и не запертую дверь, на пороге которой все еще оставалась лужица границы реальностей.

– Я хорошо мету полы – Пробормотал Элрой.

– Что? – Не поняла Эльза. – Ты, что-то сказал?

– Мы едем отдыхать. На сегодня рабочий день закончен. –

Он понял, к каким звукам прислушивалась Эльза. У ворот Дома на Берегу стоял автобус Департамента и отчаянно сиг-

налил.

Почему этот сигнал казался таким далеким, пока было непонятно.

Понятно стало после того когда Элрой и Эльза вышли под тяжелые струи ледяной воды падающей из тяжелых туч.

Автобус стоял почти в полукилометре от ворот гаража заведения Департамента.

Элрой качнул головой.

Происходило, что-то совершенно непонятное.

– Осколки меняют линейные размеры – Пробормотал он – Да, наверное – так. Джон по-прежнему считает, что стоит у ворот.

Он крепче сжал руку Эльзы, и, вдавливая сырой песок под ногами, направился к автобусу.

Через двадцать минут они уже сидели на жестких сидениях, и смотрели, как по стеклам окон автобуса привычно текла вода.

Джон нажимал на свои педали и старательно крутил баранку.

Элрой пошарил по карманам.

Джон начнет рассказывать, что-то новое, и за доставку тоже нужно было чем-то платить.

– Земли обетованные – Вдруг услышал он рядом ироничный голос Джафара. Он сидел на одном из кресел и чистил шершавый плод киви огромным складным сарацинским ножом – навахой.

– Инспектор. Возможно, ты зря позволил своим подопечным построить причальный знак. Он протянул очищенный плод Эльзе. Она благодарно кивнула, и, приняв влажную сердцевину сладкого фрукта, принялась есть.

– Мы не слишком дружим с китайцами, но у них есть особая книга, которая называется книгой перемен. Ты знаешь о земле обетованной, о которой тебе говорили русские, тебе предлагали обетованные небеса – это был ветер.

– Дальше будет вода и пламя. Пламя меня особенно меня расстраивает, Элрой. Это преобразования, в которых написано в этой книге. Здесь китайцам я верю.

– Как у тебя получается все время оказываться рядом, Джафар? – Спросил индеец инспектор и бросил форменную фуражку на сидение рядом с собой.

Вытер с лица воду и немного расслабил четки, связывающие его руку с рукой Эльзы. Его пальцы, как у мужчины, более толстые, чем у Эльзы совсем отекли и приобрели малиновый оттенок.

То о чем ему сказал Джафар, он предполагал еще вчера, но его интересовало немного другое.

Джафар молча, достал из своих одежд второй фрукт киви и тоже начал его чистить лезвием навахи. Потом улыбнулся, и, закончив, протянул его Элрою.

– Ешь, инспектор. Совсем скоро тебе понадобятся силы. – Он улыбнулся, и, подмигнув, указал взглядом на Эльзу, задремавшую, положив голову на плечо Элроя. – Мужчину и

женщину могут связывать не только четки Кали. – Он промолчал секунду, потом продолжил.

– Ты носишь меня с собой, инспектор. Джафар указал лезвием навахи на четвертый череп четок от стилизованного изображения Кали с многочисленными руками.

– Этот череп мой, инспектор. Я воин Кали, и обязан быть с ней рядом. Кали не только смерть, но и жизнь, поэтому я умер, но все-таки жив.

– Воин – Качнул головой Элрой. – А с кем бьются воины Кали. – Джафар засмеялся, задрав спутанную бороду вверх.

– Враг у богов всегда один – боги, инспектор, но, когда дерутся слоны – тяжелее всего приходится траве.

– Ты бился с богами? – Джафар достал третий плод. Протянулся длинным телом и постучал в окно Джона. Тот радостно развернулся и, открыв окно, быстро ухватил нечищенный шершавый зеленый шар, похожий на картофелину. Жадно принялся есть.

– С демонами, инспектор, но, разница невелика. Демоны – те же боги, только у них дурной характер. – Джафар пожал плечами.

– Люди как демоны и как боги. Все есть и начало и конец.

– Люби свою Эльзу так сильно, что она тебя возненавидит, и в ее глазах ты станешь демоном. – Джафар замолчал. Сложил наваху и убрал внутрь одежды.

– Почему ты боишься пламени? – Переспросил Элрой вдруг, думая о своем. Ему хотелось заехать к еще одному

своему знакомому. Вся эта чехарда должна иметь какие-то закономерности.

– Ему есть, что тебе предложить – Негромко отозвался Джафар.

– Хотя бы, какие – то закономерности. – Пробормотал Элрой.

– Страх? – Улыбнулся Джафар. – Ты, боишься, инспектор?

– Мне не кажется, Джафар, что я стрелял бродячему псу в голову, который бросился на меня, потому, что я его люблю. – Джафар качнул кудрявой головой.

– Это все, что у нас есть, инспектор. Эмоции.

– Их замысловатый рисунок в ткани мироздания. – Пафосно продолжил он.

– И твой бог устроил Дождь не для того, чтобы сделать Землю еще более сырой. Ему не нужен еще один Потоп, если ты этого не понял. – Элрой удивленно поднял глаза.

Их мысли совпали.

– Ему нужны те, кто после него останутся, инспектор. Это так.

– Эй! Господа, хорошие. Прокричал Джон в окошечко для общения с пассажирами в салоне.

– Я привез вас к месту назначения. Я не могу выбросить желтый флажок, как это делают на железной дороге, но могу просигнализировать трижды. – Видимо от сытости водитель был в приподнятом настроении – Он трижды нажал на клаксон.

– Сколько ты вешишь, Джафар? – Вдруг спросил Элрой воина Кали. Джафар улыбнувшись, снова покачал головой.

– Сколько весит заточка моей навахи, инспектор? Любовь твоей девушки? Зерно в плоде, который ты съел? Оно меньше макового семени, но, может быть, из него вырастет дерево и спасет от голода многих.

– Мы из разных миров, и нам трудно понимать друг – друга. Если ты хочешь получить правильный ответ – задай правильный вопрос. – Элрой потер переносицу. Он устал. Голова раскалывалась от боли и от попыток понять происходящее.

– Да, я оговорился. Я про твое тело. – Он сделал неопределенный жест правой свободной рукой. Пока ты не в четках Кали. Мне нужно знать массу твоего тела. – Джафар удивленно вскинул брови.

– Это просто – Ответил Элрой. – Осколки миров имеют массу. Чем она больше – тем дольше они не изменяют своей сути и назначения, мне не хочется завтра проснуться рыбкой Гуппи в чьем ни – будь аквариуме.

– Если оно наступит – это Завтра, конечно – Элрой постучал кулаком в переборку кабины водителя

– Джон! Вылезай! Мы никуда больше не едем. Сегодня ты спишь у меня.

– Инспектор вяжет бревна в бушующем океане, для того, чтобы вода не скрыла его с головой. – Он согласно качнул головой.

– Возможно, ты и прав, инспектор. Эту ночь я проведу у порога твоих дверей, и не буду прятаться в череп на четках.

Они выбрались из автобуса и вчетвером поднялись на четвертый этаж.

Элрой вкрутил до конца пыльную лампочку под самым потолком, поскольку ни один выключатель в доме не работал, и внимательно осмотрел порог у входа в свою квартиру.

Одного приключения со «стеклом» ему уже хватило.

Вставил ключ в замочную скважину и со скрипом открыл входную дверь.

– Добро пожаловать, господа. Это не палас-отель, но как ни – будь, разместимся

###

Элрой проснулся от воплей своего водителя.

Тот прыгал перед окном квартиры, за которым бушевало оранжевое пламя.

– Пожа-а-а-ар! Кричал он, срывая голос – Тыкал пальцем в стекло и умоляюще смотрел на Элроя. Элрой приподнялся на локте и осмотрел квартиру. Ничего не изменилось.

Эльза спала рядом, сладко причмокивая алыми губами.

Джафар сидел у порога, сложив ноги в позу, лотоса и выстругивал из обломка ножки стула фигурку своей богини.

– Ты пропустил фазу рыбки Гуппи, инспектор. И вот почему. – Он натужно дунул на поделку, выдувая мелкую стружку.

ку, и продолжил.

– Ты спал на моих четках, и они сложились в причальный знак на твоей спине. Ковчег пламени теперь ищет тебя, а не треугольник из камней у прибоя рядом с Домом на Берегу. Хотя... Возможно, аквариум все еще ждет тебя на пляже.

Элрой указал взглядом на Эльзу. Джафар кивнул головой.

– Я дал ей выпить макового настоя. Она будет спать. С водителем разбирайся сам.

Элрой поднялся на ноги, и тяжелым ударом в челюсть обездвижил вопящего Джона.

Джафар в удивлении остановил свою работу.

– А ты неплох, инспектор. Я бы попытался его успокоить иным способом, и потратил гораздо больше времени. – Он снова вернулся к фигурке Кали, словно это было для него всем делом его жизни.

– Если ты хочешь поговорить с Ноем – просто открой окно. Я бы не стал выходить из дома.

Элрой подошел к умывальнику и бросил несколько горстей воды в лицо. Жестко растерся полотенцем и неловко прыгая, стал забираться в форменную одежду.

– Ему все равно, голый ты или нет – Не отрываясь от работы, проговорил Джафар. – Элрой все-таки оделся. Посмотрел на фуражку, висящую на вешалке, пистолет и плащ. Вряд ли из этого всего ему, что – либо понадобится для беседы, как и журналы для записей, и карандаши.

Он со скрежетом, не заботясь ни о спокойствии сна Эльзы,

ни глубине обморока Джона придвинул к окну стол.

Повернул ржавую скобу и открыл створки настежь.

Он ожидал чего-то похожего на удар жара пламени, как это обычно бывает, когда открываешь топку большой печи.

Видимо, его идея с некоторыми островками «реальностей» имела место быть.

Пламя «лизало» некую границу, которую определяла рама открытого окна.

«Стекло» – вспомнил Элрой. Теперь он этому стеклу был благодарен. В какой-то степени.

– Увы, инспектор, но ты запер не все двери – Услышал Элрой спокойный голос Джафара.

В небольшом зеркале, глядя в которое он только, что умывался, отражался уголок распахнутого окна.

– Подходя к зеркалу, ты видишь целым мир, но его там нет – Вспомнил он слова Апостола.

– Теперь – похоже – есть. – Зло проговорил Элрой.

В комнату протекала плотная, словно туго стянутый канат, струя пламени. Она была похожа на змею, и не спеша приближалась к Элрою.

Элрой понял, что «Этот» огонь заливать водой, или гасить иным способом было бессмысленно.

Он придвинул еще один стул к столу – так, что ты на него можно было сесть.

То, что Ной примет облик человека, пусть и не очень обыкновенного – было самым простым ответом на вопрос,

что же будет дальше.

Жгут добрался до стула и быстро оформился именно в фигуру человека, почему то темного, а не огненного цвета.

По структуре материал напоминал обожженную глину, или что-то похожее на керамику.

Она кололась при движениях Спасителя, но тут – же за-растала зигзагами в пламени новой «кожей».

Ной присел на стул, и глазами, больше похожими на не остывшие отливки из стали пристально посмотрел на Элроя.

– Ты отрекся от земли.

– Ты отрекся от небес.

– Я принес тебе пламя, но ты, наверное, и от него ты от-речешься тоже...

– Что же ты хочешь?

– Все! – Неожиданно для себя ответил Элрой – Воду в ста-кане! Огонь в лампе! Небо над головой! Землю под ногами!

Джафар у порога присвистнул и остановил свою работу по вырезанию фигурки богини.

– А ты не дурак, инспектор. – Негромко проговорил он. – Я бы попросил приподнять оклад и новый зонт, твой давно пора выбрасывать.

– Он кто? – Кивнул Ной в сторону Джафара.

– Советник – улыбнулся Элрой.

– Кали заберет его себе. – Выпрямился Спаситель – Ты останешься один.

– У меня останется Эльза, Ной. Что имеешь ты, кроме вла-

сти над огнем?

– Бессмертие, Элрой. Я могу подарить его и тебе.

– Мало? – Элрой замолчал. Подумав пару секунд, проговорил в пол-голоса.

– Большое зеркало. Белое платье для Эльзы и, чтобы мы держались в нем за руки.

Ной замолчал. Сидел неподвижно, словно нефритовая статуя.

– У меня нет белых платьев – Вдруг, проговорил он.

– Тогда у тебя нет ничего! – Разозлился Элрой.

Ной прожег пальцем столешницу знаком аккадского символа чистой чаши, который Элрой увидел на странном фото Эльзы. Это была просто нижняя часть полуокружности.

– Тогда тебе нужен билет в первый вагон, инспектор. У Эльзы он уже есть. – Он поднялся на ноги и снова стал превращаться в толстую пламенную «змею».

– Отступник носит желтую соломенную круглую шляпу. Так ты сможешь отличить его от остальных.

– Это все, что я могу сделать для тебя. – Он протиснулся в отражение кусочка окна в зеркале и пропал.

Пламя за окном стало гаснуть.

Снова пошел Дождь, струи воды протекли на подоконник и Элрой силой закрыл створки, повернул рукоять замка.

Джафар снова сильно дунул на поделку, убирая мелкую стружку, и проговорил.

– Осталась Группы и ежедневный корм, который еще один

Ной будет сыпать тебе сверху и, улыбаясь стучать по стеклу, чтобы ты радостно шевельнул хвостом.

– Как тебе? – Он показал искусно вырезанную фигурку своей богини.

– Наверное, она горит не хуже ножки моего стула, Джафар. – Проговорил Элрой и тяжело опустился на постель, на которой спала Эльза. Привычно коснулся ее лба губами, проверяя температуру. Все было в порядке.

Ему вдруг вспомнилось одно из посещений странных заведений, в которых держали тех, кто не подпадал в своем поведении под инструкции и протоколы.

Молодой парень поставил на подоконник засохший кактус и в ладонях носил воду, изредка его поливая.

На вопрос Элроя – зачем он это делает. Парень ответил очень просто.

– Я один. Хотя бы о ком то мне нужно заботиться.

Тогда Элрою с его портфелем, полным исписанных журналов, он показался круглым идиотом.

Но, почему, то не теперь.

– Ты меня обидел, инспектор. – Капризно проговорил Джафар, с удовольствием, рассматривая свою работу.

– А ты испортил мне стул.

На полу заворочался, приходящий в сознание водитель и сразу зазвонил телефон.

– Твой мир никак не отпускает тебя, Элрой – Джафар поднялся на ноги, и с удовольствием пристроил фигурку Кали

на шкафу.

– Почему – билет, Джафар? – Воин Кали вновь стал серьезным. Сложил свой огромный страшный сарацинский нож, и спрятал его внутри своей одежды.

– У того, что есть вагоны и билеты – обычно бывают колеса, инспектор. – Он глубоко вздохнул.

– Возможно – Отступник – хозяин этой колымаги, и так его называют потому, что ему нужно, что-то особенное, или наоборот – совершенно обычное.

– Прости, но я не слишком понимаю ваших богов. – Он собрал складки на смуглом лбу.

– Скорее всего, мы найдем его у причального знака на пляже. – Он склонил голову на бок.

– Тебе дарить новый зонт, инспектор? За пару дней Дождя ты испортишь свою форменную фуражку, а новую тебе вряд ли выдадут. Этот мир развалиться скорее, чем кто-то ее пошьет.

– Поедем все вместе – Проговорил Элрой. Он поднял трубку истошно верещащего телефона.

– Это вы? Элрой?

– Нет, это моя бабушка – Грубо пошутил инспектор.

– Ах... – Раздался в трубке облегченный вздох.

– Так быстро все меняется. У меня есть для новости. Возможно, они вам будут интересны. Вы сможете ко мне подъехать? – Элрой зажал микрофон трубки, и привычно посмотрел на полки буфета. Они были пусты.

Открыл двери небольшого шкафа, в который сложил подарки Джафара.

Положил в карман два больших плода и выпрямился.

– Да, обязательно, Апостол мы едем. Только... – Он нахмурился.

– Ты выходил из комнаты.

– Нет, не выходил. – Удивленно ответил Апостол.

– Хорошо. – Элрой положил трубку на рычаг, когда они доберутся до его жилища – было неясно.

То, что «осколки» искажаются, он уже видел. Вряд ли, что изменилось с приходом еще одного из властелинов стихий.

Возможно, теперь до Апостола придется добираться два часа, возможно, он окажется у порога.

– Мужчины! – Вдруг раздался грозный окрик с постели. – Вы дадите мне умыться и одеться?

«Мужчины», включая, едва стоящего на ногах Джона, мгновенно выстроились в шеренгу и повернулись лицом к дверям.

– И пришел Ной к Господу и сказал тот – возьми каждой твари по паре... – Пробормотал Элрой.

– Ты о чем? – повернулся к нему Джафар.

– Библию переписывали тысячи раз. Я уже перестал понимать, что значит эта фраза.

– Я вашу Библию никогда не понимал – можешь успокоиться. Кстати – пусть Эльза не забудет мои четки.

– И фигурку Кали с моего шкафа, ты забыл вырезать ей

уши. – Съязвил Элрой.

– Тогда я отломаю вторую ножку у твоего стула. – Глубокомысленно изрек Джафар – Моей навахе нужна работа. Тем более – ошибки лучше исправлять сразу, потом они перестают казаться ошибками.

– Я готова! – Громко объявила Эльза, в спины своих товарищей – Мы же куда-то едем!

– Хотелось бы – Пробормотал Элрой и повернулся.

Да. У него был повод обернуться. Эльза сияла красотой, молодостью и теперь Элрой понимал, что хотела она увидеть и запомнить в зеркале, и почему ей так хотелось белое платье.

– А мне фрак, галстук-бабочку – Элрой вздохнул – И в нагрудный карман какой ни – будь цветочек.

– Тебя спросят – Умеешь ли ты метать икру – Проговорил Джафар.

– Икру мечут самки

Джафар поморщился, и вдруг выставил перед собой кулак, взглядом предлагая Элрою сделать то же самое. Элрой выставил сжатые пальцы перед собой.

– Раз, два, три – Проговорил Джафар и выбросил два. Элрой на счет «три» выбросил два пальца тоже.

– Это не эстетично, Джафар. – Пробурчал он.

– Еще менее эстетично – поливать икру молоками вместо того, чтобы целоваться с самками. – Он посмотрел на Эльзу и завистливо вздохнул.

– Так мы едем? – Вклинился в разговор Джон. Элрой подошел к вешалке. Надел форменную фуражку, накинул портупею с пистолетом, плащ. Взял, конечно – же, забытые Эльзой четки с постели.

Джафар покачал головой.

– Если, ты в следующий раз забудешь меня в клозете, инспектор – я перестану тебя любить.

Элрой подошел к входным дверям и открыл их ударом ноги, сразу нараспашку, всю ширь дверного проема. Ему надоело «пробираться» через рассыпающийся мир. Очень хотелось, сесть, во что-то похожее на бульдозер, с огромным стальным «ножом».

– Ехать прямо, и никуда не сворачивать – Пробормотал он.

Джон обогнул топчущихся пассажиров, и дробно застучал по лестнице стоптанными сапогами.

Его автобус нужно было еще завести. На это требовалось, какое-то время.

Джафар пошел первым.

Мельком глянул на то, что Элрой и Эльза все-таки связали руки четками, и с удовлетворением кивнул головой.

– А почему ты называешь своего друга Апостолом, инспектор? – Спросил Джафар, осторожно спускаясь по лестнице. Откуда он это узнал – Элрою уже было все равно.

Он держал свою девушку за руку – остальное казалось ему уже совершенно не важным.

– Апостолами называют тех, кто пытается объяснить простоянудинам то, что сказал Господь.

– Он пытается это делать. Только я не особо его понимаю.

– У нас тоже есть мастера. Это люди, которые рассказывают всем, что имел в виду «просветленный» когда кричал, требуя еды. Они тоже Апостолы?

– В нашей медицине «просветление» квалифицируется как эндрофинный психоз.

– Человека, который не может самостоятельно вытереть зад «просветленным» я бы – не назвал. Поэтому мне не понравились ваши «ашрамы», Джафар. Они больше похожи на лепрозории.

– И я до сих пор не могу ответить себе на вопрос – зачем Господу борода и зубы, если он не ест, не пьет и не зябнет. Он же создал нас по своему образу и подобию.

– Тебе давно пора перестать задаваться лишними вопросами, инспектор. Зачем, кому и почему должны были исчезнуть уже вчера, когда тебе предлагали бессмертие.

– Тут ты прав. – Договорил Элрой, и они вышли к автобусу, который неожиданно стоял рядом с подъездом. Фырчал дымным двигателем, а Джон даже успел открыть дверь в металлический фургон за кабиной.

Элрой Джафар и Эльза забрались внутрь и устроились на стареньких кожаных сидениях. Джон сел в кабину. Элрой привычно бросил свою фуражку на сиденье рядом. Под Дождем она теряла форму, и долго носить ее было нельзя.

Манхеттен, который когда то был густонаселенным полуостровом, давно превратился во, что-то больше напоминающее заброшенное кладбище.

Перекошенные, кое – где рухнувшие дома с подмытыми фундаментами.

Затопленные дороги.

Постоянно прибывающая вода разрезала его на пять больших кусков, через проливы которых, кто-то когда-то пытался строить мосты.

Но, в отсутствие желания, средств и материалов давно забросил.

Человечество, считавшее себя вершиной творения природы, и уже составлявшее восемь миллиардов человек своей цивилизации рассыпалось как карточный домик и почти исчезло с поверхности планеты всего за несколько лет Дождя.

На улицах, по которым они проезжали – не было не только людей или машин.

Даже вездесущие крысы, которым было предназначено выжить в любом случае, куда-то подевались.

– Сто тысяч лет – Пробормотал Элрой – Разглядывая развалины по краям дороги – Марс, Венера, Луна, Нейросети. Еще черт знает что. Все исчезло как дым на ветру.

– Теперь пришли Спасители, но это оказалось вовсе не тем на, что люди рассчитывали.

Джафар не говоря ни слова, показал Элрою раскрытую ладонь. Жесткая кожа солдата привыкшая держать либо меч,

либо орудие обороны, была сухой и шершавой. Под основаниями пальцев были заметны жесткие уплотнения.

– Мозоли, инспектор. – Джафар сжал и снова разжал кулак. – Они не только на коже – он постучал указательным пальцем по виску.

– Но уж поздно. Все начинается с фундамента. Теперь я даже не знаю – каким должен быть ваш мир.

Автобус остановился у покосившейся наполовину железной домины Апостола.

Они доехали вдвое быстрее обычного.

На это искажение Элрой уже не обратил никакого внимания.

– Скоро я буду ходить вверх ногами – Буркнул он себе под нос.

Джон, выпрыгнул из кабины, обошел автобус и открыл дверь.

Элрой вышел и сунул ему за пазуху фрукт, взятый из подарков Джафара. Он прекрасно понимал причины плохого настроения своего водителя. Тот элементарно хотел, есть и хотел он есть всегда. Стоило его покормить, и он веселел.

У него для плохого настроения причины были совсем иными.

Он вдруг снял с руки четки и привязал руку Эльзы к руке Джафара. Насколько бы ни были их реальности различными – они все же были где то рядом, и так он не потеряет свою любимую.

С Апостолом ему хотелось, поговорит одному.

– Остальные обратно в автобус – Грозно выговорил Элрой.

– Кому же захочется торчать под Дождем – Буркнул водитель, но все-таки улыбаясь, забрался к себе в кабину.

Элрой не стал ничего больше никому говорить.

Он только отметил для себя, что у Джона стали опухать ноги и именно поэтому, тот надрезал голенища сапог.

– Неделя, не больше – Отщелкнул в голове условный счетчик. Он тяжело вздохнул, мир умирал гораздо быстрее, чем он на то рассчитывал.

– Неужели, я еще на, что – то рассчитываю? – Он звонко зацокал подковками сапог по металлической лестнице.

Дверь в комнату Апостола оказалась незапертой.

Небольшая щель, через которую лился слишком яркий свет, несколько насторожил Элроя.

Он осторожно наступил подкованным сапогом на полосу света.

– Ах, это вы? – Вдруг открылась дверь целиком. Апостол распахнул дверь.

– Входите, не бойтесь. Я рассчитал диффузию. Если оставлять небольшую щель – преграда не образуется. Вы только ощутите некоторое сопротивление и только.

Элрой на самом деле почувствовал, что-то похожее на сильный вязкий ветер навстречу, когда входил в комнату.

Он сразу же достал съестное и сунул в руки Апостолу.

Ничего и никому объяснять было не нужно.

Его товарищ, несколько смущенный, спрятал подарок в небольшой ящик под столом. Элрой посмотрел в него. Запасы пищи у Апостола были невелики.

– Вы, вероятно, хотели что-то рассказать мне о билете в первый вагон. – Элрой прошел в комнату и бесцеремонно сел на стул.

Стесняться было нечего – он уже заплатил.

– Не совсем так, инспектор. – Апостол замешкался. Полез на стремянку и достал еще одну толстую книгу.

Она была заложена посередине стеклянной пластинкой фиолетового цвета толщиной миллиметра четыре.

– Все про это давно все забыли.

– Что вы имеете в виду? Апостол.

– Я о параллаксе, инспектор. Это голограмма. – Апостол показал пластинку Элрою. – Инспектор взял ее в руки. С пластинки прямо в глаза инспектору смотрела темноволосая девушка в красивом платье малинового цвета. Она танцевала, и платье разлеталось веером. Он шевельнул пластинку и обомлел.

На девушку можно было смотреть с любой стороны и даже заглядывать за спину.

Создавалось ощущение, что ее изображение было вылеплено из чего-то неосязаемого непосредственно перед пластинкой.

– Вам нравится, инспектор? – Элрой тяжело вздохнул. –

Это забавно, но для веселья у меня мало времени, желания же – нет совсем, прости. Это все?

– Вы не поняли – Апостол взял пластинку из рук Элроя, положил на стол и ударил по ней тяжелым пресс-папье. Стекло разлетелось на несколько кусков.

Апостол поднял один из них и подал в руки Элрою. В кусочке по-прежнему танцевала девушка в красном платье. Элрой взял еще один осколок. Там тоже была та же танцовщица, и в третьем и в пятом.

– Что это?

– Это, пожалуй, именно то, что вы ищите, инспектор – Апостол не удержался. Достал подаренный плод и надкусил, стараясь не проливать сок на бумаги на столе.

– Каждая точка голограммы хранит в себе информацию обо всей голограмме целиком. Сколько бы осколков ни было – в каждом будет та же танцовщица в красном платье.

Элрой закрыл в глаза. В голове трещали все шестеренки разом. Свести всю информацию, какую он получил за годы работы в департаменте целиком, во что-то единое казалось задачей невыполнимой, но он чувствовал, что это ответ. Почти ответ. Пусть и не весь.

– Эльза и есть этот кусочек. Так, Апостол? Она весь мир, каким он должен быть?

– Я не знаю, инспектор. – Апостол устало опустился на стул.

– Я не думаю, что все так просто как кажется. Голография

статична. В ней нет вашего «Завтра». Для этого нужно, что-то еще. Что, простите, я не знаю. Математики называют того что не хватает динамическим вектором.

Элрой поднялся на ноги. Ему вдруг показалось, что он больше никогда не увидит Апостола.

– Прощайте. – Он качнулся с пятки на носок. – Хаим. Вряд ли мы увидимся с вами снова – Элрой впервые назвал Апостола нареченным ему именем.

– Не зовите меня так, инспектор. Мы давно запутались не только в буквах словах и цифрах, но и в именах. Я не люблю своего имени. Оно означает – жизнь, но я ее почти не видел. – Он поднялся со стула. – Прощайте, инспектор. У меня есть ощущение, того, что вы сможете, что-то придумать, но, то, что вы придумаете – мне не понравится.

Элрой кивнул. Каждый делает свой выбор сам.

Широко шагая, он вышел в дверь, оставив за собой ровно такую же щель света, какой она была, до того как он в нее входил.

###

– Я поцеловал ее всего один раз, инспектор, в щеку. – Нагло улыбнулся Элрою Джафар, когда тот забрался в автобус.

Элрой постучал в водительскую переборку.

– Джон! К Дому на Берегу. Не торопись! Не к спеху.

Водитель завел мотор. Пофыркал черными клубами дыма

из выхлопной трубы, и осторожно двинулся, объезжая препятствия.

– Она не любит тех, кто носит бороду, Джафар

Индиец развязал четки и перебросил их инспектору.

– Мне кажется, разговор тебя не особо обрадовал, Элрой. – Озабоченно проговорил Джафар. Инспектор привычно привязал свою руку к руке Эльзы. Посмотрел ей в лицо и улыбнулся.

Он всегда улыбался, когда смотрел Эльзе в лицо.

Хоть, что-то в этом мире, его продолжало еще радовать.

Элрой отвернулся и закрыл глаза. Наверное, Джафар сделал ему самый плохой подарок в мире, научив видеть слона целиком или, хотя бы рассказав, что он не всегда веревка.

Все казалось бы простым как ученическая тетрадка, расчерченная в клетку.

Но, слон давно не веревка и не змея.

Он открыл глаза снова.

Слон – это слон, и его нужно воспринимать таким, каков он есть, в противном случае окажешься совсем не в том месте, на которое рассчитываешь.

Дождь привычно барабанил по крыше фургона, автобус раскачивало на рытвинах плохой дороги, Джон медленно пробирался среди развалин домов и остовов машин, постепенно приближаясь к Дому на Берегу.

Какой бы это ни было странностью. Бродяги, собрав причальный судовой знак из камней, что-то сдвинули в механиз-

ме всего того, что происходило вокруг, и колесики мироздания закрутились с бешеной скоростью.

Не хватало времени ни на анализ, ни на какой либо маневр.

Даже на выбор почти не оставалось времени.

– Ты чего-то замолчал, инспектор. Твоя судьба перестала тебе нравиться? – Джафар пересел на сиденье ближе к инспектору и с участием смотрел ему в лицо.

– Она мало походит на Диснейленд, Джафар. Радует, пожалуй, лишь то, что я нашел некую точку отсчета. После беседы с Хаимом.

– Хаим – это твой Апостол, инспектор?

– Да. Теперь я знаю – с чего начнется Мир Новый. Возможно. – Джафар кивнул бородой на Эльзу, которая, привычно прильнула к Элрою и дремала у него на плече.

– Белое платье – разумеется – Иронично проговорил он. – Но к нему нужен аккуратный домик и небольшое кукурузное поле, инспектор.

– До того как Эльза доберется до белого платья ей придется отстирать немало твоих пропотевших рубашек.

– Я не против пропотевших рубашек, Джафар.

– Тогда почему ты не ушел с русскими? – Элрой поднял растопыренные пальцы, показывая ладонь с гладкой кожей.

– Я опоздал с пропотевшими рубашками, и кукуруза в русских снегах растет плохо. – Улыбнулся Элрой.

Автобус внезапно накренился и с диким вывертом, упал

на бок, разбив стекла в фургоне.

– Что это? – Вскрикнула Эльза.

Джафар молчал. Автобус упал весьма удачно. Пассажиры лежали на спинках кресел, и их практически, не порезало осколками разбитых окон.

– Цинга – Негромко проговорил инспектор. Он смотал четки с руки и перебросил их Джафару.

– Когда я вернусь – я обязательно проверю – есть ли следы поцелуев на твоей шее, Джафар. – Он погрозил своему товарищу указательным пальцем, выбил ногой остатки стекла над головой, и выбрался на крышу фургона.

Пробрался к кабине водителя, и забрался внутрь. Стекла были разбиты, и это не составило большого труда.

Общее заражение крови определить нетрудно.

Прежде всего, страдает лимфосистема. Шея Джона была раздута и выглядела так, словно ее лепили из кусочков сырого теста.

Джон спустился ниже, и с трудом сдернул надрезанный сапог.

Водитель поранил ногу, видимо проводя какие – то из своих работ и организм не смог справиться с инфекцией.

Небольшая царапина на ноге, была тому ярким свидетелем. Раздутая покрасневшая кожа вокруг нее, сладковато пахла подгнившим мясом.

Вывернутая до упора баранка рулевого колеса свидетельствовала о том, что водитель потерял над собой контроль,

так и не встав со своего сидения.

– Умереть быстро – благо – Пробормотал Элрой. Он видел много смертей и не все они были столь безболезненны как у Джона.

Он выбрался из кабины на капот и думал, что делать дальше.

До дома на Берегу оставалось около километра, но их всего было всего трое. К тому же был ли километр километром, тоже было не ясно.

– Я решил не мучить вас. – Вдруг произнес кто-то рядом.

Внизу стоял человек невысокого роста в коричневом шерстяном пальто. На голову он надел соломенную желтую шляпу – канотье, а на грудь повесил старый фотоаппарат, выдававший снимки немедленно после нажатия клавиши.

– Этот километр вам не пройти. – Элрой спрыгнул на песок. Дождь затекал за воротник, и ему было неприятно, он поежился и поднял воротник плаща.

– К тому же Залив видно и отсюда, правда, не очень подробно. Но главное – вы сможете разглядеть.

Элрой приставил ладонь ко лбу козырьком и попытался рассмотреть то, что происходило у причального знака.

– Тебя не было больше часа, и мы решили похоронить останки. – Раздался со спины голос индийца. Джафар скалил белые ровные зубы и сматывал четки себе на руку.

– Время искажается тоже – подумал Элрой.

– Ты захватил мою фуражку? – Он посмотрел на индийца

тяжелым взглядом.

– Инспектор без фуражки – не инспектор. – Джафар протянул Элрою его головной убор. Элрой натянул фуражку на голову, и ему показалось, что он стал чувствовать себя лучше.

Джафар по примеру Элроя приставил ладонь ко лбу «козырьком».

В Залив медленно опускалась огромная сигарообразная конструкция, вероятно исполненная из той же воды, которая сохраняла форму каким-то колдовским способом.

– Колдовство – это то, что мы не понимаем – Пробормотал Элрой.

– Пожалуй, инспектор, ты пропустил обед с креветками и пивом. – Джафар смотал четки на руку, и Элрой и Эльза стояли рядом, просто держась за руки.

– Вы отказались от воды. – Проговорил невысокий человек в шляпе и с фотоаппаратом. Вы должны помнить. Да. Вода – в стакане. Поэтому обошлись без вашего присутствия. И еще... – Он повернулся к Заливу. Посмотрел на последние пузыри, оставленные на поверхности воды странной конструкцией.

– У нас мало времени. Вы это увидите. – Элрой уже это уже видел, Дом, на Берегу подмытый сильным прибоем валялся на бок. Между ним и его ступнями вниз проваливалась земля. В нее с шипением лились воды Залива.

Они катились крутыми волнами с белыми барашками на-

верху и прямо по ним, пыхтя и отдуваясь, словно чрезмерно полный человек, посвистывая странными давно забытыми устройствами, по воде ехал поезд.

Джафар, глядя на это буйство стихии, сделал несколько шагов назад.

Элрой молча, смотрел на то, что происходит, стоял неподвижно и только крепче сжимал пальцы Эльзы.

– Это он. – Вдруг прошептала она в ухо Элрою.

– Зачем вам соломенная шляпа в Дождь? – Неожиданно спросил странного человека Элрой. Она меньше всего соответствовала тому, что происходило, и выглядела совершенно странной.

– Круглый желтый знак, если им машут сверху вниз – означает, что поезд отправляется, инспектор. Ваши билеты, пожалуйста.

– Мне пора уходить, Элрой, – Вдруг проговорил Джафар. Это подарок. – Он протянул инспектору свой складной сарацинский нож. – Что бы ты ни делал. Чинил карандаш или убивал демона – он стодится. – Элрой кивнул головой. Взял у индийца нож и крепко зажал в руке.

– У Кали появится еще одна рука. – Проговорил Элрой. После того как Джафар внезапно пропал, забрался в карман и вытащил странное фото Эльзы.

– Вы имеете в виду это, вероятно.

Странный человек потоптался, посмотрел на фото.

– Ваша подруга может занять место в первом вагоне. –

Эльза вдруг стала совершенно невесомой, и едва касаясь воды, пошла прямо по белым барашкам волн к подножке вагона.

Взобралась в тамбур, прошла на место и села так, чтобы видеть Элроя.

– У нее будет белое платье? – вдруг спросил Элрой странного хозяина поезда. Он вспомнил и про сэкономленные секунды и про патрон, припрятанный «на всякий случай».

Теперь он отчаянно шарил в кармане, вылавливая в его глубине теплый латунный цилиндр.

– Это зависит от вас, молодой человек. – Нахмурился Ной.

– В каком смысле? – Опешил Элрой. Он вдруг почувствовал одиночество такой остроты, что его невозможно было перенести. Умереть так же как Джон с раздутой шеей, выпученными глазами, в последних попытках жить неясной жизнью, цепляясь за вялые удары сердца.

– Пожалуй – нет. – Он нашел его, вставил в пистолет и с облегчением вздохнул.

– Вы о чем, сэр?

– Наши билеты парны, Элрой. – Ной навел на инспектора свой фотоаппарат и нажал яркую красную кнопку.

Фотоаппарат полыхнул ртутной вспышкой, на секунду ослепив Элроя.

Когда он смог видеть. Ной уже махал пластиковой карточкой с радужными разводами, на которой четко проступал знак из аккадского языка.

Он сложил карточки вместе и показал их инспектору.

– Вы же специалист по старым языкам – смотрите. – Элрой увидел, что его знак – верхняя часть полуокружности, которую можно было трактовать как – крыша, кровля, защита, оборона, складывался со знаком Эльзы в обычную окружность, которая почти на всех языках мира обозначала одно и то же.

– Обычное колесо. Солнце, жизнь, вселенная, время.

– Это ваше «Завтра», инспектор. Динамический фактор, как говорил ваш консультант. Хаим, кажется. – Ной помолчал секунду. Посмотрел все ли в порядке с его странным поездом.

– А вот пистолет с одним патроном лучше выбросить, инспектор, он годится только для того, чтобы выстрелить себе голову. Вы не сможете никого защитить таким оружием.

Элрой сбросил с себя плащ, португепю, фуражку.

– Проходите, Элрой. Ваше место в первом вагоне.

– Простите, а я смогу держать Эльзу за руку?

Ной уже снял шляпу и отмахивал первые знаки отправления поезда. Он в удивлении повернулся к Элрою лицом.

– Я бы рекомендовал это делать даже более настойчиво, молодой человек.

– Жизнь слишком коротка для того, чтобы сомневаться в том любите вы ее или нет.

Послесловие

Опубликованные книги автора

Иллюзии – социальная фантастика, боевик, издательство АСТ

Дорога к дому – социальная фантастика, боевик, издательство – ЛитРес

Следы на песке – социальная фантастика, повесть-притча, издательство – ЛитРес

Химера – социальная фантастика, боевик, издательство – ЛитРес

Воспоминания о настоящем – рассказы, социальная фантастика, издательство ЛитРес

Азартные игры богов – фантастический геополитический детектив, издательство – ЛитРес

У самого синего моря – фэнтезийная юмористическая повесть, издательство – ЛитРес

Крылья – социальная романтическая фантастика, издательство ЛитРес

Сказки для маленьких и взрослых – короткие сказочные истории и притчи, издательство – ЛитРес